

2 1999 №6

Тальцы

С.И.И.И.

ТАЛЫЦЫ

Тальцы 2(6)99

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
• АРХИТЕКТУРА • ЭТНОГРАФИЯ • ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ •
• ТОПОНИМИКА • ФИЛОЛОГИЯ •

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Н.М. Полунина Хроника основания сибирских острогов в XVI–XVII веках	31	✓
О.В. Бычков «Златокипящая Мангазея»: острог из легенды	12	
А.И. Михайловская Братский острог	20	✓
А.Р. Артемьев Албазинский острог	37	

У НАС В ГОСТЯХ

К.Г. Пирогов, Н.П. Степанова, С.А. Шевырин Архитектурно-этнографический музей «Хохловка»	42
---	----

МУЗЕЙНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Н.И. Ивановская Музеи под открытым небом в России: история, проблемы	47
В.В. Тихонов К вопросу о создании в Коломенском историко-этнографического музея России	51

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ

НАМ ПИШУТ	63
КОНФЕРЕНЦИИ	66
НОВЫЕ КНИГИ И ЖУРНАЛЫ	67

АРХИВЫ РАССКАЗЫВАЮТ

Нерчинский договор 28 августа 1689 года	69
---	----

НА ДОСУГЕ

Этнографические головоломки	72
-----------------------------------	----

Государственное бюджетное
учреждение культуры
Иркутская областная государственная
универсальная научная библиотека
им. И.И. Молчанова-Сибирского

ИНФОРМАЦИОННО-
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ
ОТДЕЛ

9977

Учредитель: Архитектурно-этнографический музей «Тальцы»
664011, г. Иркутск, ул. Халтурина, 2, тел. 33-47-05

Языки издания: русский, бурятский, эвенкийский, английский.

Редакционная коллегия: Р. В. Агапитова, О. В. Бычков, С. А. Гурулев
(секретарь), Е. Г. Манушкина, А. К. Нефедьева, Т.Л. Пушкина,
В. В. Тихонов (главный редактор)

Ответственный редактор номера: С. А. Гурулев

Корректор: Т. В. Михайлова

Фотограф: В.В. Тихонов

Художник: В.Е. Нефедьев

Консультант: по английскому языку — Дж. Саттон

Компьютерный набор: С.А. Гурулев, С.Е. Макаров

Оригинал-макет: С.Е.Макаров

Свидетельство о регистрации № **И — 0236** от 21 декабря 1995 г.,
выдано Региональной инспекцией по защите свободы печати и
массовой информации

© Перепечатка с разрешения редакции

На обложке: 1 стр. — Святые ворота Николо-Корельского монасты-
ря, 1692 г. (музей-заповедник «Коломенское»); 2 стр. — башня Братс-
кого острога в музее-заповеднике «Коломенское»; 3 стр. — монеты-«че-
шуйки», кресты, горшки из археологических раскопок Албазинского
острога; 4 стр. — Казанская церковь, середина XVII в. (музей-заповед-
ник «Коломенское»).

Адрес редакции: 664011, г. Иркутск, ул. Халтурина, 2, тел. 33-47-05

Журнал набран, отредактирован и откорректирован на оборудова-
нии музея «Тальцы», приобретенном на средства, выданные фондом
Сороса под проект «Техническое обеспечение издания журнала
«Тальцы» (грант № А1С715).

Сдано в набор 04.08.99 г. Подписано в печать 15.12.99 г. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 4,5. Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Цена свободная.

Отпечатано с готовых фотоформ в Иркутском доме печати (ул.
Советская, 109), Заказ № **1602**.

ХРОНИКА ОСНОВАНИЯ СИБИРСКИХ ОСТРОГОВ В XVI — XVII ВЕКАХ

*Надежда Михайловна Полунина,
научный сотрудник
Государственного Исторического музея,
г. Москва*

«Сибири суждено было войти в плоть и кровь России, так оно и произошло. Ермак острым и быстрым клином, как ножом, вонзившись в ханскую Сибирь, лишил ее прежней власти, казаки-первопроходцы, наскоро пройдя Сибирь насквозь, протезили ее боевыми острогами, словно бы подшили ее к России» (В. Г. Распутин).

Эти замечательные слова из книги-эпопеи «Сибирь, Сибирь...», принадлежащие перу нашего земляка, всемирно известного писателя Валентина Григорьевича Распутина, точно и метко характеризуют процесс освоения огромных неисследованных пространств.

Два эпохальных события — покорение сибирского ханства и строительство первого зимовья-острожка на берегу Тихого океана — разделены всего 57 годами. В 1582 г. Ермак овладел Искером, столицей сибирского ханства, а в 1639 г. казак Иван Москвитин «со товарищи» на берегу Тихого океана поставил зимовье. Действительно, «наскоро прошли Сибирь насквозь».

Открывая, осваивая и обустривая сибирскую землю, сколько же казакам пришлось сделать «стежков», сколько заложить укреплений?

Нижеприведенная таблица пытается ответить на этот вопрос. «Хроника» включает почти 150 укрепленных поселений, возникших на неоглядных зауральских просторах в течение последних двадцати лет XVI века и всего XVII века. Цель «Хроники» — показать картину последовательного освоения Сибири. В основу ее положены сведения, прежде всего, из опубликованных работ В. И. Кочедамова, П. П. Епифанова, Д. Я. Резуна, а также материалы второго тома «Истории Сибири». Следует отметить, что историк архитектуры В. И. Кочедамов первым из исследователей привел наиболее полный список сибирских поселений; историк архитектуры П. П. Епифанов его расширил; в многочисленных же публикациях историка Д. Я. Резуна, посвященных данной теме, приведены наиболее точные даты основания и первых лет развития сибирских поселений, а также указаны имена их основателей и строителей.

В «Хронику» включены все разновидности первых поселений. Документы того времени отмечают укрепленные поселения типа зимовья, острога, двойного острога, рубленого города (кремля), рубленого го-

рода с острогом вокруг посада, различия которых с архитектурно-строительной точки зрения весьма существенны.

Большинство поселений развивалось на основе последовательной смены типов укреплений: зимовье—острог—рубленный город. Тип укрепления определялся стратегическими и географическими факторами. Ряд укреплений, возникших в первые годы освоения Сибири, сыграв историческую роль, оставались и со временем исчезали с лица земли.

Другие, поставленные особенно удачно, со временем развивались в города.

Самым распространенным типом сибирского укрепленного поселения являлся острог. Так называли поселение, вокруг которого возводился палисад — изгородь из свай (бревен, поставленных вертикально, один конец которых забивался в землю, а другой, верхний, заострялся). Поэтому в документах часто встречаются выражения — «острог стоячий» или «частокол». Некоторые поселения имели двойные остроги: второй острог возводился вокруг посада. Первый острог в таких случаях получал название Малого города, а второй — Большого города.

*Башня Бельского острога.
Конец XVII — начало XVIII вв.*

Термин «острог» для первых поселений стал характерным только для Русского Севера и Сибири. На украинской границе, например, укрепления носили название «окоп», на кавказской — «крепость», «редут». Так как Сибирь осваивали преимущественно выходцы с Русского Севера, то закономерно распространение здесь и терминологии, принятой в северных краях. Термин прижился в Сибири. Когда прошла эпоха освоения новых земель и острожного строительства, когда остроги «погнили и развалились врозь», когда многие из них вследствие этого были разобраны до основания, термин «острог» не исчез из сибирского и русского лексикона. Он перекочевал на тюремные замки. Зачастую люди, не знакомые с первоначальной историей Сибири, под острогом понимают именно тюрьму.

Рубленный город в отличие от острога—это крепость со стенами и башнями, приспособленная для активной обороны и ружейно-пушечного огня. Крепостные стены ставились из срубов, засыпанных галькой («городни» или «тарасы»). Башни возводились глухими и проезжими, часто они венчались дозорными вышками и вестовыми колокольнями. Иногда в них помещались часовни. Башни использовались и под жи-

лье. Часто посад при рубленном городе окружался острожной стеной.

В остроге и городе среди построек — воеводский дом, воеводская канцелярия (или съезжая изба), амбар для ясашной казны, гусударева житница для хранения хлебных припасов, ярвозимых из Руси, погреб для хранения пороха и свинца, амбары для амуниции, парусов и снастей. «Аманацкая» изба для заложников и тюрьма — почти обязательны в каждом остроге, где сидит воевода. Жилые дома для казаков, ремесленного и другого городского люда ставились за острожными стенами, образуя посад. «Годовальщики», как называли сменных казаков, обычно обустраивались в нижних ярусах городских башен. И непременный атрибут застройки — часовня или церковь.

Зимовье, которое часто предшествует и острогу, и крепости, представляло собой временное пристанище, которое совмещало, как правило, жилое помещение с боевым. Часто в документах зимовье описывается как «изба с нагородью». Боевая надстройка над избой, «нагородь», могла иметь вышку для караула и бойницы для «верхнего боя». Когда «избу с нагородью» дополнял пусть даже крохотный, но огороженный часток олом двор, зимовье уже именовали «острожкой» или «крепостицей».

Разновидности в терминологии поселений указываются только в последнем разделе в примечаниях, где оговариваются перестройки. Для основного ряда подобная детализация сознательно опущена, так как для данной «Хроники» важен сам факт основания поселения.

К сожалению, документы не всегда позволяют установить точную дату основания поселения. Поэтому в таблице дата имеет условно-ориентировочный характер: она может означать как начало, так и окончание строительных работ, а также перестройку основных сооружений, перенос их на другое место. В любом случае всегда указывается та дата, под которой поселение впервые упоминается либо в документах, либо в летописях.

Некоторые даты являются до сих пор спорными. В «Хронике» они не оговариваются, но в конце статьи приводится основная библиография, к которой можно обратиться за уточнением.

В строительстве первых поселений участвовали не только служилые люди, но и мирное население. Первые сибирские поселения аккумулировали богатый опыт русских «горододелцев» и не

Изображение Иркутского острога в «Чертежной книге Сибири» С.У. Ремезова, конец XVII в.

случайно, описывая их, авторы нередко с восхищением присовокупляли: «острог строением зело хорош».

Увы, ни один из острогов того отдаленного времени не сохранился в своем полном блеске и красе. Но, к счастью, дожили до наших дней острожные башни в разных уголках Сибири. Эти столь малые, казалось бы, останки так значительны, величественны, так напоены старинным духом, что осматривая и оглядывая их, ощущаешь то неповторимое героическое время, когда казаки-землепроходцы на свой страх и риск, пренебрегая лишениями и опасностями, шли «встречь солнцу» в благородном порыве пройти первыми «небывальными землицами», увидеть то, что прежде до тебя никто не видывал. Утвердив на открытых землях русский дух, удовлетворив чувство народного самолюбия, казаки-землепроходцы вписали навечно свой подвиг в историю России.

- 1500 Обдорский городок (Носовой)**, основатель — С. Курбский. Вскоре заброшен. Вновь возведен в 1595. Ныне г. Салехард Тюменской обл.
- 1500 Березов город**, основатель — С. Курбский. Вскоре заброшен. Возобновлен в 1587–1588, в 1593 поставлен город Н.В. Траханиотовым и А. Благовым, в 1617 значительно расширен. Ныне пос. Березово Тюменской обл.
- 1572 Мангазея городок (Тазовский)**, в 1601 возводится острог: начат М. Шаховским и Д. Хрипуновым, окончен В. Масальским-Рубцом и С. Пушкиным.
- 1586 Тюмень**, основатели — В.Б. Сукин, И. Мясной, Д. Чулков. В 1593–1596 возведен город, в 1640–1642 значительно расширен. Ныне центр области.
- 1586 Обский городок**, основатель — И. Мансуров. Ныне пустопорожнее место в Тюменской обл.
- 1587 Тобольск**, основатель — Д. Чулков. Ныне город в Тюменской обл.
- 1589 Лозьва**, основатель — И.Г. Нагой. Ныне г. Ивдель Свердловской обл.
- 1593 Пельым город**, основатели — Н.В. Траханиотов, П.И. Горчаков. Ныне с. Пельымское Свердловской обл.
- 1594 Сургут**, основатели — Ф.П. Барятинский, В. Аничков. Ныне город в Тюменской обл.
- 1594 Тара**, основатель — А.Ф. Елецкий. В 1638 возведен город, в 1669 — новый город. Ныне город в Омской обл.
- 1595 Нарым**, основатель — Т. Федоров. В 1644 возведен город. Ныне село в Томской обл.
- 1596 Кетский**. Трижды переносился: в 1602, 1608, 1612. Ныне село в Тюменской обл.
- 1598 Верхотурье**, основатели — В.П. Головин, И.В. Воейков. В 1600 выстроен гостиный двор. Ныне город в Свердловской обл.
- 1600 Туринск (Епанчин)**, основатель — Ф.О. Янов. В 1603 расширен И.В. Лихаревым. Ныне город в Свердловской обл.

- 1604 **Томск**, основатели — Г.И. Писемский, В. Тырков, Д. Юрьев. В 1648 возведен город, в 1698 — государев двор. Ныне центр области.
- 1607 **Туруханск (Новая Мангазея)**. Ныне с. Старотуруханск Красноярского края.
- 1611 **Хантайское**.
- 1615 **Кузнецкий**, основатели — И. Пущин, Б. Константинов. В 1618 заложен новый острог А. Харламовым, М. Лавровым, О. Кокоревым. Ныне г. Новокузнецк Кемеровской обл.
- 1616 **Дудинское**. Ныне г. Дудинка Красноярского края.
- 1616 **Царево городище**. Ныне г. Курган, центр области.
- 1616 **Верхнечусовский**.
- 1617 **Чатский городок**.
- 1618 **Маковский**, основатель — П. Албычев. Ныне село в Красноярском крае.
- 1618 **Кондобский**.
- 1619 **Енисейск**, основатели — П. Албычев, Ч. Рукин. Ныне город в Красноярском крае.
- 1620 **Убинский форпост**. Ныне село в Новосибирской обл.
- 1621 **Мелесский**, основатель — М. Лавров. Ныне село в Томской обл.
- 1621 **Ачинский**, основатели — М. Лавров, О. Кокорев. В 1641 возводится острог Я. О. Тухачевским, достраивается И. Кобыльским. В 1656 Ю. Трапезунским переносится на новое место. Ныне г. Ачинск в Красноярском крае.
- 1624 **Краснослободск**.
- 1627 **Барабинский**. Ныне г. Барабинск Новосибирской обл.
- 1628 **Красноярск**, основатель — А. Дубенский. Ныне город, центр края.
- 1628 **Канский**, основатель — Е. Остафьев. В 1628 ставится зимовье, в 1637 — острог, в 1645 — новый острог. Ныне г. Канск в Красноярском крае.
- 1628 **Рыбинский**, основатель — П. Бекетов. Ныне с. Рыбное Красноярского края.
- 1628 **Ямышский**. Ныне Омская обл.
- 1628 **Тарханский**. Ныне пустопорожнее место в Тюменской обл.
- 1629 **Тасеевский**, село в Красноярском крае.
- 1629 **Братский**, основатель — П. Бекетов. В 1631 возведен новый острог И. М. Перфильевым. После 1635 перенесен на новое место. Ныне затоплен Братским водохранилищем.
- 1629 **Ишимский**. Ныне село Усть-Ишим в Омской обл.
- 1620-е **Чечуйский**, основатель — Пенда. В 1675 поставлено укрепление. Ныне с. Чечуйское в Иркутской обл.
- 1630 **Илимский**, основатель — И. Галкин. Затоплено Усть-Илимским водохранилищем.
- 1630 **Нижневилуйский**.
- 1630 **Каурдатский**.
- 1630 **Усть-Киренский**, основатель — В. Бугор. Ныне г. Киренск Иркутской обл.
- 1631 **Тебендинский**. Ныне с. Большая Тебенда Омской обл.

- 1631 **Усть-Кутский**, основатель — И. Галкин. Ныне город в Иркутской обл.
- 1631 **Верхневилуйский**.
- 1632 **Якутск**, основатель — П. Бекетов. В 1643 возведен город, в 1670 — новый город, в 1680 — снова новый город. Ныне центр республики Саха-Якутия.
- 1632 **Ирбитская слобода**, основатель — И. Спицын. Ныне г. Ирбит Свердловской обл.
- 1632 **Арамашевская слобода**. В 1639 возведен острог. Ныне село в Свердловской обл.
- 1633 **Вагайский (Адбашский)**. В 1636 возводится на новом месте и с новым именем Б. Толбузиным. Ныне пос. Вагай Тюменской обл.
- 1633 **Олекминский**, основатель — Н. Козьмин. В 1636 возводит острог П. Бекетов, позднее он перенесен на левый берег Лены. Ныне г. Олекма республики Саха-Якутия.
- 1634 **Вилюйский**. Ныне город Вилюйск республики Саха-Якутия.
- 1635 **Жиганский (Красный)**, основатель — П. Иванов, М. Стадухин, Губарь. Ныне село Жиганск республики Саха-Якутия.
- 1638 **Верхоянский**, основатель — П.И. Губарев. Ныне город в республике Саха-Якутия.
- 1639 **Зашиверский**, основатели — Иванов, Постник. Ныне пустопорожнее место в республике Саха-Якутия.
- 1639 **Ялуторовский**. Ныне город в Тюменской обл.
- 1639 **Удский**, основатель — И. Москвитин. Около 1639 поставлено зимовье, в 1679–1682 — острог на р. Уде, впадающей в Охотское море.
- 1640 **Тагильский (Строганов острожок)**.
- 1640 **Нейвинский (Строганов острожок)**.
- 1641 **Витимский**, основатель — Е. Бахтеяров. Ныне пос. Витим в республике Саха-Якутия.
- 1641 **Караульный**. В 1675 ставится новый острог.
- 1641 **Ачанский**, основатель — Я. Тухачевский. В 1651 возводится новый острог Е. Хабаровым.
- 1641 **Верхоленский**, основатель — М. Васильев. В 1642 перенесен на новое место К. Ивановым.
- 1641 **Алазейский**, основатель — И. Ерастов. В 1646 расширен, в 1651 ставится новый острог П. Мокрошубом.
- 1642 **Уядинский**. В 1668 поставлен острог.
- 1643 **Среднеколымский**.
- 1644 **Осинский**.
- 1644 **Далматов монастырь**.
- 1646 **Зейский**, основатель — В. Поярков. В 1682 возводится новый острог.
- 1646 **Бутальский**, основатель — И. Москвитин. На побережье Охотского моря.
- 1646 **Нижнеколымское**, основатель — В. Гаврилов. Ныне пос. Нижнеколымский республики Саха-Якутия.
- 1647 **Верхнеангарский**.
- 1647 **Верхнеколымский**.

- 1647 Косой острожок (Охотский)**, основатели — С. Шелковников, И. Москвитин. В 1655 ставится новый острог. Ныне пос. Охотск Хабаровского края.
- 1647 Нижнеудинский (Покровский)**, основатель — Е. Тюменцев. В 1652 возводится укрепление, в 1681 — новое. Ныне г. Нижнеудинск Иркутской обл.
- 1648 Баргузинский**, основатель — И. Галкин. Ныне г. Баргузин республики Бурятия.
- 1649 Анадырский**, основатель — С. Дежнев. В 1651–1652 обнесен палисадом. Ныне г. Анадырь Магаданской обл.
- 1650 Исетский**, основатель — Д. Андреев. Ныне с. Исетское Тюменской обл.
- 1650 Тугирский**, основатель — Е. Хабаров. На р. Олекме.
- 1650 Албазинский**, основатель — Е. Хабаров. В 1654 возведен город, в 1667 заново отстроен Н. Р. Черниговским. Ныне ст. Албазинская Сковородинского р-на Амурской обл.
- 1650 Колчедановский**, основатель — Балошейкин. Ныне с. Колчедан Свердловской обл.
- 1651 Индигирский.**
- 1652 Баунтовский**, основатель — И. Похабов. Забайкалье.
- 1652 Барневский.** Вскоре оставлен. В 1683 возобновлен. Ныне с. Барневское Курганской обл.
- 1652 Чипин городок.**
- 1652 Усть-Протвинский.**
- 1652 Колымский**, основатель — М. Стадухин.
- 1652 Иркутский**, основатель — Я.И. Похабов. В 1652 поставлено зимовье, в 1661 — острог Я. И. Похабовым, 1671 — новый острог. Ныне г. Иркутск, центр области.
- 1653 Нерчинский**, основатель — М. Урасов. В 1658 острог на новом месте ставит А. Пашков. Ныне г. Нерчинск Читинской обл.
- 1653 Тугурский**, основатель — И. Уваров. На р. Тугур, впадающей в Охотское море.
- 1653 Иргенский**, основатель — П. Бекетов. Ныне пустопорожнее место в Читинской обл.
- 1653 Читинский**, основатель — П. Бекетов. Ныне г. Чита, центр области.
- 1654 Балаганский**, основатель — Д. Фирсов. Ныне пос. Балаганск Иркутской обл.
- 1655 Аргунский**, основатель — Ф. Пуцин. В 1681 поставлен острог В. Миловановым. Ныне с. Аргунское Читинской обл.
- 1654 Усть-Омский.**
- 1655 Комарский (Кумарский)**, основатель — О. Степанов. На р. Амур.
- 1655 Катайский**, основатель — П.С. Перхуров. Ныне г. Катайск Курганской обл.
- 1656 Косогирский.** На р. Амур.
- 1657 Верхотомский.** Ныне с. Верхотомское Кемеровской обл.
- 1657 Сосновский**, основатели — Д. Копылов, Ю. Ядловский. Ныне с. Сосновское Кемеровской обл.

- 1658 **Телембинский**, основатель — П. Бекетов Ныне с. Телемба республики Бурятия.
- 1658 **Верхний Шильский**. На р. Шилке.
- 1660 **Мехонский**. Ныне с. Мехонское Курганской обл.
- 1660 **Кумгинский**. На р. Амур.
- 1661 **Нелюцкий**.
- 1661 **Тунгусский**.
- 1662 **Кучидский**.
- 1664 **Илгинский**. Ныне с. Знаменское Иркутской обл.
- 1665 **Селенгинский**, основатели — Г. Ловцев, О. Васильев, В. Аксентьев В 1685 возводится город.
- 1666 **Пышминский**. В 1670 поставлен новый острог Я. Борисовым.
- 1666 **Верхнеудинский (Удинский)**. В 1689 возводится город. Ныне г. Улан-Удэ, столица республики Бурятия.
- 1667 **Бельский**, Красноярский край.
- 1668 **Масленский**. На реке Исеть.
- 1668 **Еравнинский**, основатель — А. Барнешлев. Ныне с. Сосново-Озерское республики Бурятия.
- 1669 **Аятская слобода**, основатель — Ф. Арапов. В 1681–1682 возведен острог И. Крюковым. Ныне с. Аятское Свердловской обл.
- 1669 **Кемский**.
- 1669 **Бельский**. Ныне с. Бельское Иркутской обл.
- 1670 **Усть-Миясская слобода**.
- 1671 **Красногорский**.
- 1671 **Идинский**, основатель — И.М. Перфильев. Ныне затоплен Братским водохранилищем.
- 1672 **Арамильский**, основатель — М.Р. Сарапульцев. В конце XVII в. возведен новый острог. Ныне г. Арамилъ Свердловской обл.
- 1674 **Новотубинский**.
- 1676 **Окуневский**.
- 1676 **Тункинский**, основатель — И.М. Перфильев. Ныне с. Тунка республики Бурятия.
- 1677 **Верхнезейский**, основатель — Г. Самойлов. На р. Зее.
- 1678 **Ломовский**. В «киргизской земле».
- 1678 **Усть-Тарский**.
- 1678 **Абаканский**. В 1707 ставится укрепление. Ныне г. Абакан Красноярского края.
- 1679 **Акланский**. На р. Пенжине, впадающей в Охотское море.
- 1679 **Селимбаевский (Селимджинский)**, основатель — Г. Фролов. На р. Зее.
- 1679 **Итанцинский**. Ныне с. Итанца республики Бурятия.
- 1670-е **Торговишский**.
- 1670-е **Камышевский**.
- 1670-е **Беловский**. Ныне г. Белово Кемеровской области.
- 1680 **Долонский**.
- 1680 **Абатская слобода**. Ныне пос. Абатский Тюменской обл.

- 1680-е Коркина слобода**, основатель — А. Коркин. Ныне г. Ишим Тюменской обл.
- 1680-е Суерский**. Ныне с. Суерки Тюменской обл.
- 1684 Уртамский**, основатель — Ю. Соболев. В 1698 возводят «государев двор». Ныне с. Уртам Томской обл.
- 1688 Ильинский**. Ныне с. Ильинка республики Бурятия.
- 1696 Умревинский**. Ныне с. Умрева Новосибирской обл.
- 1697 Верхнекамчатский**, основатель — В. Атласов.
- 1698 Каштакский**, основатели — С. Тупальский, Х. Левандиан. Ныне с. Каштак Кемеровской обл.
- 1700 Нижнекамчатский**, основатель — Зиновьев.
- 1700 Большерецкий**, основатель — Кобелев. На Камчатке.

ЛИТЕРАТУРА

- Епифанов П. П. К истории освоения Сибири и Дальнего Востока в XVII в. // История СССР. — 1981. — №4.
- Епифанов П. П. Крепости // Очерки русской культуры XVI в., Ч.2. — М., 1977.
- Епифанов П. П. Крепости // Очерки русской культуры XVII в., Ч.1. — М., 1979.
- Историография городов Сибири конца XVI — начала XX в. — Новосибирск, 1984.
- История Сибири. Т.2. — Л., 1968.
- Источниковедение и историография городов Сибири конца XVI — первой половины XIX в. — Новосибирск, 1987.
- Кочадамов В. И. Первые русские города Сибири. — М., 1978.
- Крадин Н. П. Русское деревянное оборонное зодчество. — М., 1988.
- Оглы Б. И. Строительство городов Сибири. — Л., 1980.
- Резун Д. Я. «Написание о поставлении городов и острогов в Сибири...» // Источниковедение и историография городов Сибири конца XVI — первой половины XIX в. — Новосибирск, 1987.
- Резун Д. Я. Очерки истории изучения сибирского города. XVIII век. — Новосибирск, 1991.
- Резун Д. Я. Родословная сибирских фамилий: История Сибири в биографиях и родословных. — Новосибирск, 1993.
- Резун Д. Я., Васильевский Р. С. Летопись сибирских городов. — Новосибирск, 1989.
- Сибирские города XVII — начала XX века. — Новосибирск, 1981.

Nadezhda Mikhailovna Polunina. Chronicle of the foundations of Siberian settlements from the 16th to the 17th century — Tal'tsy, №2(6), 1999.

The foundation of settlements during the Russian colonisation of Siberia, in all 149, — from the Obdor settlement in 1500 to the Bol'sheretsk stockade on Kamchatka in 1700 — is examined in sequence. Their founders and brief history is given.

«ЗЛАТОКИПЯЩАЯ МАНГАЗЕЯ»: ОСТРОГ ИЗ ЛЕГЕНДЫ

Олег Викторович Бычков,
научный консультант
архитектурно-этнографического
музея «Тальцы»,
кандидат исторических наук

1. Осколки былого величия.

Шел 1981 год. Наша этнографическая экспедиция отправлялась из Ленинграда на север Западной Сибири к тазовским селькупам. Летом из Салехарда, что стоит в устье Оби, на реку Таз можно попасть на судне. Это долгий интересный переход. Вначале на север по Обской губе вокруг Ямала. Затем на юг по губе Тазовской — коварному «Мангазейскому морю» воеводских доношений XVII столетия.

В тот год льды так плотно забили обе губы, что навигация не открылась даже 1 июля. Выручили геологи, «подкинув» нас вначале до Нового Уренгоя, а после, пристроив отряд на «Аннушку», летящую на северо-восток, — в устье Таза. Здесь, казалось, завершились наши долгие воздушные скитания над заполярной тундрой, покрытой белесовато-желтыми мхами и бесчисленными правильно-круглыми озерами. Таз — река большая: длина ее 1442 км. На этой огромной реке в междуречье Оби и Енисея сейчас всего 5 поселков и до искомой нами «живой этнографии» требовалось подняться вверх как минимум километров на четыреста.

Хмурым июльским днем вертолет взял курс на юг. Командир держался реки. Внизу, среди унылой плоской тундры, по берегу Таза произрастал настоящий лес. На узких и сухих гривках восточной стороны стояли добротные кедрч и ельник. От них убежали в тундру лиственницы и березки с тем, чтобы всего в 200–500 метрах измельчать и исчезнуть в вечной мерзлоте безмерной тундры. Река поддерживает своим теплом эти остатки далекой тайги, и у неискушенного путешественника, идущего по воде «на моторе», может сложиться впечатление, что он в настоящем лесу.

Минут через двадцать на правом возвышенном берегу показался обширный мыс, поросший мелколесьем. За ним блеснула небольшая речка, приток Таза.

— Вот здесь-то и стояла «Златокипящая Мангазея»! — прорывается сквозь грохот вертолета восклицание начальника отряда В. А. Козьмина.

**Крест-тельник
XVII в. Мангазея.
Из фондов музея
«Тальцы»**

Мы знали, что в 1968–1972 гг. на месте бывшего города работала Мангазейская историко-географическая экспедиция Института Арктики и Антарктики АН СССР под руководством доктора исторических наук М.И. Белова и что Валериан Александрович, тогда студент исторического факультета Ленинградского университета, провел здесь несколько полевых археологических сезонов...

Внимательный взгляд безошибочно определяет места давних раскопок. Растительность в Заполярье восстанавливается медленно, поэтому раскопанные когда-то нижние венцы башен, стен острога и строений посада хорошо просматриваются. Гораздо быстрее ведет свою уничтожительную работу река. Если в конце 1960-х гг. было смыто около 25–30% Мангазеи, то к началу 1980-х гг. исчезло более половины города. Остатки двух башен из пяти упали в воду. Из-под мха в обрыве берега торчат массивные, диаметром в 30–40 см, бревна — то, что осталось от срубов торговой стороны.

Песчаная кромка берега, зовущаяся здесь как и по всей таёжной Сибири, — бичёвником*, после схода льда и высокой вешней воды усеяна такими вещами, которым мог бы позавидовать любой именитый музей. Матово поблескивают серебрянные копейки-«чешуйки» всех российских государей от Ивана Васильевича Грозного до Алексея Михайловича Тишайшего. Чернеют нателные крестики; чаще медные, реже с финифтью, а то и с позолотой. Встречаются женские серёжки с подвесками и мужские серьги в виде простой скобки. Вот кремьень от ружейного замка с пищали «огненного боя». Постоянно попадаются иностранные вещицы — крупный голубой и белый бисер. Это «одекуй» амстердамской выделки из далекой Голландии. Четырехсотлетняя береста-из-под туясков выглядит так, как будто сколотень сняли с березы пару лет назад, — спасает вечная мерзлота. Музейный Клондайк тянется с полкилометра.

Знакомство воочию с некогда многолюдным, но исчезнувшим безвозвратно три столетия назад острогом, невольно пробуждает интерес к начальной русской истории Сибири.

II. Появление Мангазеи.

Во многих исторических работах дату основания Мангазеи относят к 1601 г. Однако русские промышленные люди — охотники за пушной — появились в этих негостеприимных местах значительно раньше.

Продвижение восточных славян на север Сибири фиксируется в летописях XII–XIV вв. Новгородская феодальная республика, строящая свое благополучие и благосостояние на пушной торговле, всячески поощряла частные промысловые вылазки в Предуралье и Заура-

Деталь женской серёжки XVII в. Мангазея. Из фондов музея «Тальцы»

*Бичёвник — сухая тропа вдоль берега. Такими тропами промышленники и казаки в XVI–XVII вв., а позже «бичи» (бурлаки) тянули вверх по течению всевозможные суда: кочи, карбазы, паузки, шитики.

лье. Вслед за охочими людьми отправлялись из Новгорода и Устюга Великого военно-торговые экспедиции «ущкуйников», целью которых было обложение ясаком (пушной данью) сибирских «иноземцев». Так в Новгородской летописи, изданной Императорской Археологической комиссией в 1876 г., есть живописный рассказ о военном походе 1364 г. Новгородцы, перевалив Урал, «...воеваша по Оби реке до моря» местные народы. Только тяжелый хозяйственный и демографический кризис XIV–XV вв., вызванный нашествием монголов на русские княжества, да военное соперничество Новгорода со Швецией, орденами крестоносцев, а затем и Москвой, за влияние на Севере Восточной Европы, — замедлили это движение.

Усиление Московского княжества и присоединение к нему в 1471 г. Великого Новгорода, а в 1472 г. Пермской земли, открывает новую страницу в истории продвижения за Урал. Как следствие, в 1483 и 1499–1502 гг. дружины великого князя Ивана III совершают ряд успешных походов за «Югорский камень» (Урал), в северо-западную часть Сибири.

На эти даты стоит обратить пристальное внимание. Именно в 1499 г. в противоположном углу Европы Испания субсидирует третий вояж Колумба в Новый Свет, а в Португалию возвращается из своего первого морского похода в Индию вокруг Африки Васко да Гама. Шлют в неизвестность свои корабли англичане. В чем же дело?

Османская империя, захватив в мае 1453 г. Константинополь, окончательно утвердила мусульманский полумесяц на Балканах. Турки-османы перекрывают древние сухопутные торговые пути с азиатского Востока — Индии, Китая, Японии. Те самые пути, по которым в Европу шли драгоценности, шелка и пряности. Избалованная аристократия и негодяи всей Европы снаряжают суда и эскадры с тем, чтобы возродить свою хиреющую торговлю. Несомненно, походы

московских дружин под воительством князей Курбского, Ушатого и Гаврилова носили тот же характер — военно-торговых экспедиций, имели ту же цель — поиски прямого пути в Китай и Индию. Также несомненно и то, что в своем движении в Сибирь они опирались на вековой опыт и знания новгородских, псковских, устюжских промыслеников-зверовщиков. Молодое Российское государство выходило на политическую арену Европы как участник тех Великих Географических открытий, которые в нашем обыденном понимании связываются лишь с активностью западно-европейских государств в Новом Свете и в Тихоокеанском бассейне.

Уже в первой половине XVI в. русские колонисты, движимые промысловыми интересами, освоили северный морской путь — побережье Ледовитого океана до устья Оби. По мнению известного полярного археолога М. И. Белова, к числу ранних русских торговых городов, основанных в Западной Сибири до прихода Ермака, следует отнести Обдорский городок в устье Оби (нынешний Салехард)

Крест-тельник XVII в. Мангазея. Из фондов музея «Тальцы»

и Пантуев городок в устье Пура (Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф., 1981, с. 33). В этой связи примечателен следующий факт. В 1514 г. великий князь Василий III впервые вносит в свой титул земли Обдорскую и Кондинскую, лежащие по нижнему течению Оби и Конды, впадающей в Иртыш. Именно успехи поморов в освоении северного побережья Западной Сибири позволили Ивану IV Грозному в 1554–1556 гг. включить в свой титул следующие земли: «Обдорский, Кондинский и многих других земель, Государь всех берегов». В грамоте 1563 г. к польскому королю Сигизмунду-Августу встречаем добавление — «...вся Сибири», что, вероятно, было связано с началом взимания дани с Сибирского ханства и присылкой ханом Едигером в 1557 г. «шертной» — присяжной грамоты (Андриевич В. К., 1889, с. 2; Миллер Г. Ф., 1937, с. 206, 207–208). Результаты археологических раскопок собственно Мангазеи, дают возможность утверждать, что уже в 1572 г. в Обско-Енисейском междуречье на реке Таз существовал самый восточный поморский городок-фактория.

*Пуговицы. XVII в.
Мангазея. Из фондов
музея «Тальцы»*

Но опять же, как это бывало прежде, внешние трудности: Ливонская война (1558–1583), постоянная угроза с Юга от крымских татар, политика безудержного внутреннего опричного террора, — надолго отвлекли внимание Москвы от прямого вмешательства в сибирские дела. Инициатива освоения «новых земель» отдавалась в частные руки торговопромышленного дома Строгановых и артелей-«ватаг» поморских и подвинских промысловиков из числа крестьян и посадских.

Первые ростки развития товарно-денежных отношений, покрытие расходов активной внешней политики, резкое изменение мировой рыночной конъюнктуры в связи с «революцией цен» в Западной Европе в середине XVI в. — все это требовало значительных валютных средств в виде драгоценных металлов, которыми мог бы оперировать царский двор. Для Москвы, не имевшей ни в XVI в., ни в XVII в. собственной сырьевой базы по добыче золота и серебра, основным валютным источником являлась сибирская пушнина. Давая огромные прибыли, она толкала купцов и промышленников к дальнейшему проникновению на восток. Русское государство уже в середине XVI в. монополизировало продажу пушнины на внешнем рынке и всячески препятствовало проникновению английских и голландских морских экспедиций на север Сибири. Безудержный промысел русских привел к тому, что пушные богатства Западной Сибири были истощены уже к концу XVI в. Удар Ермака по Сибирскому ханству открыл следующий этап в истории освоения и присоединения всей Сибири к Российскому государству.

Рост пушных промыслов в первой половине XVII в. и, как следствие, расцвет Мангазеи стали возможны благодаря освоению таежных просторов и речных систем Восточной Сибири. Согласно донесению московского дьяка-перебежчика Григория Котошихина шведскому правительству, ежегодно в 1640–1650 гг. из Сибири присылалась «царская казна» в соболях, бобрах, черно-бурых лисах, горностаях на сумму более чем в 600.000 рублей. Это составляло около 33% всех государственных

ных доходов (Котошихин Г., 1884, с. 104). Так, нужды Посольского приказа по снаряжению посольств ко дворам сопредельных государств, носивших часто торгово-обменный характер, оплачивались исключительно мехами. Именно доходы от продажи-обмена сибирской пушнины позволили России выйти из тяжелейшего политического и экономического кризиса первой четверти XVII столетия, возродить собственную государственность и дать начало новой династии. Заметную роль в этом историческом процессе сыграла легендарная Мангазея.

III. Город с непашенным посадом.

Итак, в начале 1570-х гг. высокий мыс при впадении речки Осетровка (Мангазейки) в Таз был прочно обжит промысловиками с Русского Севера. Торговая фактория возникла там, где заканчивался долгий, в три тысячи километров, морской переход поморских кочей и начиналась дорога по рекам и волокам в богатые пушниной таёжные угодья Восточной Сибири: на Енисей и Лену.

Поход дружины Ермака в 1581–1584 гг. с целью утвердиться на удобных сухопутных путях, ведущих к Иртышу и Оби, закончился разгромом Сибирского ханства. Открывались новые перспективы в продвижении на восток. Тем не менее Московская администрация не собиралась отказываться от контроля за прежними северными дорогами в Сибирь. Во-первых, по причине чисто фискальной. Дело в том, что главным источником поступления пушнины в казну была так называемая «государева десятина пошлаина». Она слагалась из десятипроцентного обложения добытых мехов как при их обязательном предъявлении охотниками, так и при продаже пушнины. Фактически меха облагались дважды. Поэтому в Сибири в местах массового сбора охотников и торговых людей учреждались таможи. Здесь пушнину переписывали таможенные целовальники и изымали в пользу государства лучшую. Промысловики же получали описи с печатью, подтверждающие, что налог шкурками взят. После этого меха, оставшиеся у охотника, клеймились. На торге при продаже пушнины изымалась шкурками же «перекупная пошлаина». Затем пушнина опять клеймилась. Для строительства государева острога с таможенным зимовьем Мангазея являлась идеальным местом.

Была и вторая не менее существенная причина. Казанский приказ, ведавший в конце XVI — начале XVII вв. всеми делами, вершившимися за Уралом, был отлично осведомлен о голландских экспедициях 1584, 1594–1597 гг., искавших в русских водах Северо-Восточный проход в Китай и Японию. Требовалось незамедлительно обезопасить с севера вновь приобретенные для державы сибирские земли, а также пресечь попытки английских, голландских и датских купеческих компаний наладить напрямую торговлю пушниной с сибирскими «иноземцами» и поморскими промысленниками.

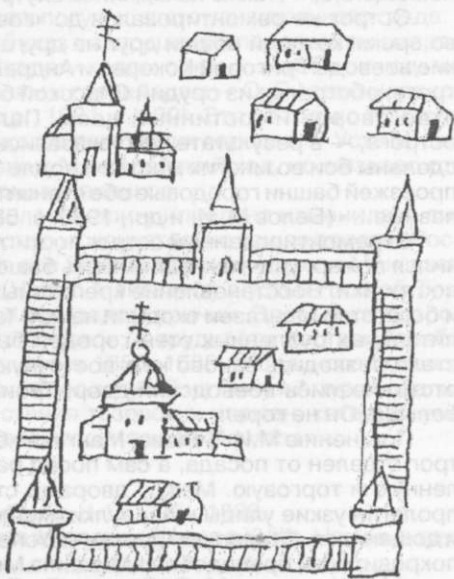
Поэтому в 1598 г. из Москвы через Верхотурье для рекогносцировки нижнего течения Пура, Таза, Енисея на предмет закладки там острога отправляется дьяк Казанского приказа Федор Дьяков (Миллер Г. Ф., 1937, с. 309, 505). В 1600 г. в низовья Оби и Енисея отправляют первого мангазейского воеводу князя Мирона Шаховского с наказной памятью от царя Бориса Годунова поставить в «Мангазейской земле» острог. Вероятно,

лишь поздней осенью с помощью березовских казаков и зырян он добрался до Тазовского поморского городка и, обосновавшись в нем, приступил к строительству острога. Поскольку донесений от Шаховского не поступало, то Москва посылает на Таз ещё один казачий отряд под воительством князя Василия Мосальского и Савлука Пушкина с той же целью: «Да будет у торговых людей, который городок поставлен у места и государевым людям впредь жить в нем можно, того городка или острогу прибавить (т.е. достроить — О.Б.) кругом» (Миллер Г. Ф., 1937, с. 401). Наказ был выполнен и весной 1601 г. гарнизон и таможня острога встали на защиту государевых интересов. Мангазея становится административным центром обширного одноименного уезда. До основания в 1632 г. Якутского острога Мангазея оставалась тем центром, откуда шло открытие и присоединение северо-восточной Сибири и куда стекались пушные богатства с большей части Енисея, Нижней Тунгуски и далекой Лены (Бахрушин М.Н., 1955, с. 297).

В 1606 г. из-за участвовавших в нападении со стороны самоедов (ненцев) встал вопрос о возведении мощных городских укреплений. В 1607 г. под руководством воевод Давыда Жеребцова и Курдюка Давыдова срубили кремль-детинец из елей, лиственниц и кедров, произрастающих здесь же на тазовских приречных гривах. Это был типичный для Сибири острог: «Город деревянный рубленой, а у него пять башен, стоит над Тазом рекою. С приезде в стене (южной, выходящей на посад — О. Б.) башня Спасская проезжая четверугольная, а под нею ворота, одни с приезде, а другие изнутри города, брусчатые, высота по сажени печатной, а ширина тож...» (Крадин Н. П.).

Спасская башня была наиболее высокой — 11 м 39 см, а самой низкой — Ратилевская — 7 м 66 см (Белов М.И. и др., 1980, с. 57). Пушечный и пищальный «наряд» во всех башнях, имевших обязательный облом, размещался в «верхнем бою». Тыновые стены прежнего острога заменили на более капитальные, рубленные с пряслами и обломом. Общая длина их с башнями составила 279 метров (Белов М. И. и др., 1980, с. 56).

Интересную деталь выявили раскопки 1968–1972 гг. Башни, стены, постройки воеводского двора, таможни, жилые избы посада — все постройки возводились без «стольев», то есть фундамента. Однако стоят они не на земле, а на слое строительной щепы и стружки. В условиях веч-

Изображение Мангазеи в «Чертежной книге Сибири» С.У. Ремезова. Конец XVII в.

ной мерзлоты это спасало от протаивания почвы под постройкой, особенно жилой, — срубы не заваливались.

В остроге площадью в одну треть десятины поставили обширный воеводский двор, где, кроме воеводских семей, проживала вся челядь и прислуга, всего 60–70 человек. Рядом стоял двупрестольный Троицкий собор, второй престол которого был освящен во имя свт. Николая Чудотворца, архиепископа Мир Ликийских. Административные постройки: съезжая изба, тюрьма-аманатская и острожна — караульное помещение, — также находились внутри острожных стен.

Острог не ремонтировался до «воеводской смуты» 1630–1631 гг., во время которой пошли друг на друга настоящей войной мангазейские воеводы Григорий Кокорев и Андрей Палицин. Кокорев, засев в остроге, обстрелял из орудий Спасской башни посад, уничтожив множество дворов и гостинный двор. Палицин же предпринял штурм острога, — в результате чего оказались «...стены и башни иссечены, и сделаны бои во многих местах и подле Зубцовской башни от Спасской проезжей башни городовые обе стены просечены и сделаны ворота различные...» (Белов М. И. и др., 1980, с. 58).

Отремонтированный острог постигло несчастье в июле 1642 г. Случился пожар, уничтоживший часть башен, стен и все внутриострожные постройки. Восстановление крепостных укреплений шло долго. Слава и богатство Мангазеи сходили на нет. Только в 1649–1651 гг. вместо капитальных рубленых стен-городен был поставлен тын-частокол. Не стали возводить заново юго-восточную Успенскую башню. Медленно отстраивались воеводский двор, Троицкая церковь. Посаду повезло больше. Он не горел.

По мнению М.И. Белова, Мангазея была хорошо спланирована: острог отделен от посада, а сам посад разделен на две части — ремесленную и торговую. Между дворами стрельцов и посадских жителей пролегли узкие улицы и переулки, мощеные досками с обшивки кочей и дощаников. Стояло две церкви — Успенская и храм в честь поморских покровителей преподобных Михаила Маленина и Макария Желтоводского. На посаде постоянно проживало до 650 душ обоего пола с детьми (Белов М.И. и др., 1980, с. 31; Белов М.И. и др., 1981, с. 11).

Мангазейский посад отличался от таковых в других сибирских городах. В силу экстремальных климатических условий посадские не сеяли хлебов с тем, чтобы кормить воеводскую администрацию, стрелецкий гарнизон и церковный причт. Хлеб шёл сюда долгим речным путем из Тобольска.

Посадские трудились как на пушных промыслах, так и на их обслуживании: вязали сети и невода, выпекали сухари, строили речные суда, заготавливали юколу, отливали из металла вещицы для торгового обмена с сибирскими народами. Стрельцы, кроме караульной службы, обеспечивали на собаках и оленях связь с зимовьями и острожками на Енисее и Нижней Тунгуске.

В торговой части посада, ближе к тазовскому взвозу, кроме гостиного двора, находилась таможенная изба — место, которое не могли обойти все промышленные люди. В середине-конце лета сотни их, возвращающихся с «леших промыслов», буквально наводняли город. Не могли обойти таможню и торговые люди, их приказчики, прибывавшие в конце лета — начале осени с караванами кочей, груженных различным променным под пушину товаром. Вот что свидетельствуют об этом документы

середины XVII столетия: «... в прошлых де годах в Мангазее торговых и промысленных людей бывало много, человек по 1000 и по две и больше; ...при прежних таможенных головах приходили из Сибири в Мангазею морем многие торговые кочи с хлебными запасами и с русскими товарами, в год кочей по 50 и большеи,... А торговых... и промысленных людей зимовало в Мангазее человек по 1000 и большеи, и в лавках... сидели со всякими товары зимою и летом без съезду, и весною... на волоку всяким людям торг был большой.» (Бахрушин С.В., 1955, с. 298).

Закат Мангазеи был стремительным и начался он в ту пору, когда, казалось бы, ничто не угрожало благополучию этого удивительного града.

В 1619 г. последовал царский указ о запрещении под страхом смерти пользоваться Мангазейским морским ходом с тем, «...чтобы отнюдь не дать немецким людям (англичанам и голландцам — О. Б.) тово морского пути ведать.» (Белов М.И. и др., 1981, с. 109). Это не только привело к запустению процветавших некогда поморских городов — Усть-Цильмы и Пустозерска, обслуживавших Мангазейский ход, но вызвало отток из Мангазеи поморских промышленников.

Во второй половине XVII столетия принципиально изменилась ситуация в Сибири, которая полностью и окончательно вошла в состав Российского государства. В 1672 г. все без исключения жители Мангазеи были переселены в Туруханск (Новую Мангазею) в устье Нижней Тунгуски. Это было обусловлено целым рядом причин. Здесь и катастрофическое оскудение пушных промыслов, и трудности доставки хлеба морским путем из-за наступившего в 1650–1680 гг. сильного похолодания, и открытие более удобных южных путей на Лену и Амур, и реальная угроза повсеместного восстания тазовских племен, которым уже не могла противостоять некогда «Златокипящая Мангазея».

ЛИТЕРАТУРА

- Андриевич В.К. История Сибири. Ч. 1., СПб., 1889.
Бахрушин С. В. Мангазейская мирская община в XVII в. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. М., 1955.
Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Ч. 1. Мангазейский морской ход. — Л., 1980.
Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Ч. 2. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев в XVI–XVII вв. — М., 1981.
Крадин Н. П. Русское деревянное оборонное зодчество. — М., 1988.
Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. — СПб., 1884.
Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. I. — М. — Л., 1937.

Oleg Viktorovich Bychkov. «The Gilded City of Mangazeiya»: *legendary stockade.*

The Mangazeiya stockade was founded by Russians in 1601 on the site of the White Sea trading station that arose in the divide between the rivers Ob and Yenisei long before Ermak's expedition into Siberia. Servicing the Russian fur trade in Eastern Siberia, Mangazeiya went through a boom 1610-1640. However, after the near extermination of the sable in the second half of the XVII century, the stockade was transported beyond the Yenisei in 1672 to the mouth of the river Nizhnaya Tunguska. Mangazeiya turned into a ghost town.

БРАТСКИЙ ОСТРОГ*

*Анна Ивановна Михайловская,
бывшая заведующая историческим отделом
Иркутского государственного областного музея*

В настоящее время в центре с. Братска, около церкви, стоят местные достопримечательности — две почерневшие, покосившиеся угловые башни Братского острога, насчитывающие около 270 лет.

Братский острог, как показывает название, был построен в бурятской земле и явился опорным военным пунктом, из которого пошло покорение бурят в долине р. Ангары. Ангарские пороги защищали бурятскую землю от проникновения в неё пришельцев с запада. Но уже во второй четверти XVII в. русские окончательно утвердились на Ангаре, поставив при устье р. Оки Братский острог.

Покорение бурят в долине Ангары шло из Енисейского острога. В 1627 г. был послан Максим Перфирьев с 40 казаками взять ясак с бурятской земли, где получил ясак. На обратном пути на него напали тунгусы, и он едва спасся. В 1628 г. был послан Пётр Бекетов, который сумел проехать через все пороги. Дойдя до р. Оки и взяв первый ясак с окинских бурят, он благополучно вернулся в Енисейск. До Енисейска дошли слухи о богатстве бурят серебром, и в 1629 г. за серебром и яском отправился в бурятскую землю Яков Хрипунов. На 20 судах доплыл он до устья р. Илима, оставил там суда и пошёл сухим путём вверх по Ангаре. Около устья р. Оки он встретился с бурятами. Произошло сражение, окончившееся победой Хрипунова, взявшего много пленных. Однако сопротивление бурят оказалось настолько сильным, что Хрипунову пришлось вернуться к устью Илима, там он умер, и дальнейший поход расстроился. Снова был послан М. Перфирьев с 30 казаками и 2 пушечками — на этот раз, чтобы окончательно утвердиться на Ангаре и поставить острог на Оке. Оставив половину людей около Шаманского порога, он с 15 казаками отправился сухим путём к Оке. Вернув бурятам их пленных, он взял ясак, но принуждён был возвратиться, не рискуя строить острог с таким малым отрядом.

Енисейцы продолжали высылать против упорно сопротивлявшихся бурят отряд за отрядом. В 1631 г. посланы были «для строения острога» (на Оке) 50 казаков с 2 офицерами (один из них — Московитинов). «Так построен был острог и назван Братским по бурятам, в земле которых он

* Печатается, с сокращениями, по: Известия ВСОРО, том III, серия «История», вып. 1, 1928.

лежит», — говорит Фишер. Буряты отказались платить ясак Московитову. Он просил помощи у Енисейска, но посланный из Томска в 1633 г. отряд Д.Копылова вернулся, не дойдя до Братска. В 1635 г. был послан отряд Дунаева с 52 чел. на помощь Братскому острогу. Отряд был весь истреблен бурятами. Предание говорит, что это произошло на речке Дунаевке, впадающей в Оку с левой стороны, верстах в восьми от устья, и названной по имени казака. В 1635 г. отряд в 100 человек, во главе с Николаем Радуковским, принудил бурят снова платить ясак. В 1637 г. Василий Черемнин обложил ясаком бурят до р.Уды, а в 1639 г. Илья Барлов

Таблица 1

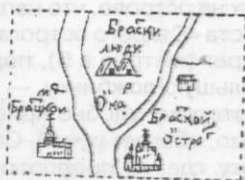
Черт. 1

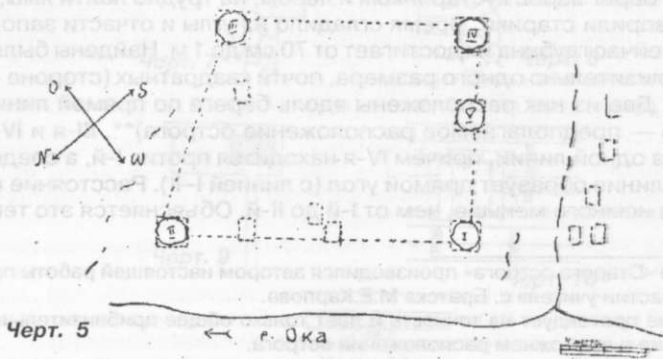
Черт. 2

Черт. 3

Черт. 4

Черт. 5

окончательно привёл их в покорность. Таким образом, только после целого ряда походов, в 30-х годах XVII в. удалось сломить сопротивление бурят и распространить «уезд Братского острога» до р. Уды. <...>

Итак, Братский острог не сразу был построен у устья Оки. По-видимому, в 30-х годах XVII в. около Падуна было поставлено новое, затем был построен острог на правом берегу Оки и в 1654 г. перенесён на левый берег Оки, к устью.

Предание о существовании «Старого острога» на правом берегу Оки записано ещё в XVIII в. Гmeliным, Фишером, повторено в конце XIX в. автором «Описания Братской волости» и Воротниковым, а в 1914 г. Овчинниковым.

Автору настоящей работы, во время поездки в Братский острог, летом 1927 г., удалось ознакомиться с местом, с которым связывают первоначальное построение Братского острога. В 4 верстах от с. Братска, приблизительно в 1,5–2 км от впадения правой протоки Оки в Ангару, на правом берегу Оки, есть место, называемое Каштак (см. черт. 1). Жители Братска определённо утверждают, что этот Каштак является местом первого Братского острога, и называют его «Старым острогом». После бывшего здесь пожара место это заросло лесом. Старики рассказывают, что их отцы ещё застали на этом месте следы жилья (части столбов и окладов), уничтоженные теперь пожаром. 80-летний старик Попов говорит, что когда он был мальчиком и не было ещё на Каштаке такого густого леса, ясно видны были четырёхугольные ямы, оставшиеся от построек. По объяснению жителей, — «там жили русские, когда впервые пришли в эти края, покамест не прогнали бурят с теперешнего места Братска. Жили они на берегу. Сначала было домов 5. А пашни и скот был и у них на острове, что напротив...»

Осмотр места «Старого острога» дал следующую картину. Довольно высокий берег (метров в 6), поросший густым сосновым лесом, образует небольшую ложбинку, — «лог», по местному, — единственное место, в котором удобно приставать на лодке. Весной по этому овражку, видимо, сбегает ручей. Сам овражек представляет удобный подъём на горку, где, по предположению, стоял острог. Р. Ока имеет здесь направление на СВ, и острог мог быть расположен по странам света. Хотя берег зарос кустарником и лесом, не трудно найти ямы, о которых говорили старики. Время сгладило их углы и отчасти заполнило, но и сейчас глубина их достигает от 70 см до 1 м. Найдены были* 4 ямы приблизительно одного размера, почти квадратных (сторона — около 3 м). Две из них расположены вдоль берега по прямой линии (см. черт. 5 — предполагаемое расположение острога)**. III-я и IV-я ямы тоже на одной линии, причём IV-я находится против I-й, а соединяющая их линия образует прямой угол (с линией I–II). Расстояние от III до IV ямы немного меньше, чем от I-й до II-й. Объясняется это тем,

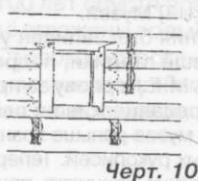
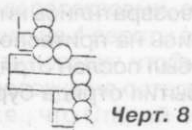
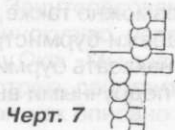
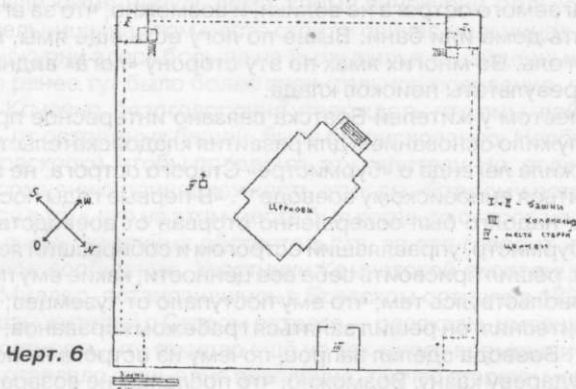
*Осмотр «Старого острога» производился автором настоящей работы при любезном участии учителя с. Братска М.Е. Карпова.

**План не претендует на точность и даёт только общее приблизительное представление о возможном расположении острога.

что слева от II-й и III-й ямы (если смотреть от реки) идёт вторая ложбинка, и острог стоит как бы на холмике. Между I-й и IV-й ямой, тоже по прямой линии, находится V-я квадратная яма соответствующего размера. Схематический, приблизительный план расположения ям, одинаковый размер их и нахождение их по прямым линиям друг против друга, позволяют предполагать существование здесь «острога». На месте 4-х ям могли быть угловые башни острога, а на месте V-й — ворота. Предание говорит о том, что на месте «Старого острога» долго были столбы от ворот, называвшихся «боярскими», уничтоженные пожаром. Сама местность говорит за то, что если тут был острог, войти в него было удобнее всего именно отсюда, со стороны «лога», где было также и самое удобное место для причала лодок.

С высокого берега открывается широкий вид на Ангару и Оку со всеми протоками и островами. Неприятель не мог подкрасться на лодках незамеченным. Ложбинки с двух сторон могли защищать острог с суши, и только с 3-й стороны он был мало защищён. Таким образом предполагаемое расположение острога удобно в оборонительном отношении.

Таблица 2

По занимаемому пространству место это могло быть местом небольшого «острожка» или зимовья, вчетверо меньшего, чем острог на левом берегу Оки. Длина всех его стен составляла бы около 100 метров. Гарнизон Братского острога даже в 1650 г. состоял из 40 человек, а такой острог мог свободно вместить это количество.

Кроме этих, поросших травой, 5 ям, в которых при поверхностном осмотре (без раскопок) ничего не было обнаружено, имеются ещё ямы меньшего размера, — возможно, что от домов. В этих ямах лежат кучи красноватой глины, — по-видимому, от глинобитных печей (глина похожа на глину печей в башнях Братского острога). На глубине около 35 см есть обгорелые брёвна и найдены куски обожжённой глины (подобие кирпича), черепки горшков, рыбы кости, кусочки косточек животных и медная пластинка*. Всё это говорит, что тут, на предполагаемом месте Старого острога, было раньше жильё. В сведениях, сообщаемых автором «Описания Братской волости» и Воротниковым, говорится о следах огородных грядок и погребов на месте Старого острога, но, при осмотре, их не обнаружено. По другую сторону «лога», вдоль него, есть ещё ряд ям, в которых находят камень — «серовик». Размеры предполагаемого острога не велики, и возможно, что за его стенами могли быть дома или бани. Выше по логу есть ещё ямы, где жгли древесный уголь. Во многих ямах по эту сторону «лога» видны следы раскопок — результаты поисков клада.

С этим местом у жителей Братска связано интересное предание, которое послужило основанием для развития кладоискательства. Среди стариков жила легенда о «бурмистре» Старого острога, не захотевшем подчиниться енисейскому воеводе**. «В первые годы после постройки острог надолго был совершенно оторван от воеводства. Вот в эти-то годы бурмистр, управлявший острогом и собиравший ясак с тунгусов и бурят, решил присвоить себе все ценности, какие ему попадали в руки. Не довольствуясь тем, что ему поступало от туземцев, которых он сильно притеснял, он решил заняться грабежом караванов, шедших по Ангаре***. Воевода сделал запрос, почему из острога не поступает ничего в государеву казну. Возможно, что посланцы не возвратились к воеводе или же возвратились ни с чем. Возможно также, что тунгусы и буряты жаловались на притеснения и грабежи бурмиистра. Во всяком случае в острог был послан отряд, чтобы наказать бурмиистра. За день или два до прибытия отряда бурмиистр с подручными вынес за стены

*Всё найденное хранится в Братско-острожном музее, а часть привезена в Иркут[ский] Науч[ный] Музей.

**Текст предания был записан учителем с. Братска Мих. Еф. Карповым, когда живы были ещё старики, подробно помнящие предание. Автор приносит благодарность М.Е.Карпову за предоставление этой записи, приводимой без изменений. Предание живо и сейчас.

***В Братском музее раньше хранились обложки дел волостного правления, склеенные из старых рукописей. Теперь они утеряны, но, по словам Карпова, на одном из листов удалось прочесть приблизительно следующее: «16.. года...караван персической монеты...69 пуд...фун...Оренбурх...». Рукописи относились к Братскому острогу и, может быть, могли дать легенде историческое обоснование.

острога все сокровища и зарыл их в 100 сажнях (или шагах) на восток от ворот острога, зашив их в две олених шкуры...По прибытии отряда бурмистр и его подручные были подвергнуты пыткам, но посланные так и не добились ничего. Перерыв всё в доме бурмистра, посланные сожгли этот дом. Бурмистр был повешен на воротах острога, а казаки, менее причастные к разбоям бурмистра, были высланы в уральские станицы...» Легенда говорит, что клад бурмистра лежит до сих пор, что многие искали*, но найти не могли. Есть любители, которые и сейчас пробуют этот клад открыть.

Итак, на месте легендарного «Старого острога» и сейчас можно различить следы былых построек. Были ли эти постройки, действительно, укреплением или же просто посёлком? Жители не помнят, чтобы на этом месте был какой-нибудь выселок. Тем не менее само название местности «Каштак» говорит за то, что здесь курили вино. Действительно, здесь была винокурня небольших размеров. Гмелин, посетивший в 1736 г. этот Каштак, указывает на плохое оборудование и незначительную величину винокурни, в которой было всего 6 котлов и 2 бочки. Он не говорит, что тут были какие-нибудь дома, кроме винокурни. Только неподалеку стояла мельница (на этом месте стоит и сейчас мельница). С уничтожением винокурни здесь больше не было жилья, а найденные ямы указывают, что ранее тут было более значительное поселение, чем одна винокурня. Конечно, безоговорочно утверждать, что ямы, действительно, остались от острожных башен, было бы рискованно. Необходимо произвести раскопки, чтобы проверить эту гипотезу. Но, если можно подвергать сомнению принадлежность этих ям «Старому острогу», то сомневаться в том, что на этом месте был когда-то острог, не приходится. Помимо выше указанных обстоятельств, за это говорит и следующее письменное сообщение. Участники Камчатской экспедиции Гмелин и историк Миллер, остановившись в Братском остроге в 1736 г., услышали рассказы жителей о Старом остроге — рассказы, имевшие тем большую вероятность, что прошло ещё не так много времени и от этого события их отделяло лишь одно поколение, так что старики могли говорить со слов отцов. Заинтересованные этими рассказами, они отправились осматривать винокурню, расположенную на 4 версты выше острога по правому рукаву Оки. «Мы совершили эту поездку, чтобы собственными глазами посмотреть действительное положение острога, Оку и Ангару и нашли всё так, как описано выше» (т.е., что Старый острог был построен на этом месте). Утверждение таких компетентных лиц на основании личного осмотра места в 1736 г., 100 лет спустя после закладки острога, когда следы острога не были ещё сглажены временем и пожаром, заставляет считать Каштак местом «Старого острога» и даёт возможность предполагать, что дошедшие до нас ямы могут быть следами этого острога. Для винокурни их слишком много и слишком правильную фигуру они образуют.

*Старики рассказывают, что, когда они были ребятами, из каких-то казачьих станиц приходили два старика и что-то розыскивали около старого острога.

С 1654 г. Братский острог стоит на нынешнем месте села, на левом берегу Оки, при впадении её в Ангару. О переносе острога сохранился ряд преданий. <...> По записи автора «Описания Братской волости» (в 70 годах 19 ст.) буряты с речки Вихоревой хотели воспрепятствовать переселению русских на новое место из Старого острога. Они подошли к острогу и верстах в двух стали поджидать остальных бурят, кочевавших в окрестностях. В острог они послали мальчика разузнать о количестве оружия, людей, о расположении острога. Русские подпоили мальчика и, выведав от него о намерениях бурят напасть в Петров день, послали за помощью в Илимск*. 30 июня (неизвестного года) буряты окружили острог и начали осаду. 4 дня шла жаркая битва, пока русские не одержали верх. 200 илимских казаков переплыли Ангару выше острога, обошли острог и с тыла напали на бурят. Теснимые с двух сторон, буряты были перебиты. Кровь их окрасила протоку, которая с тех пор называется К р о в а в о й. Среди стариков Братска держится ещё одно предание, религиозного характера, о переносе острога**. Когда острог стоял ещё на правом берегу Оки, а на теперешнем месте Братска жили буряты, из острога исчезла икона, висевшая над входом в острог. На другой день буряты обнаружили её на левом берегу Оки, недалеко от своей священной лиственницы, и вернули в острог, говоря: «Возьмите вашего бога и не позволяйте ему переходить к нам». Дважды исчезала икона и дважды находили её на бурятском берегу. Это было принято за указание свыше. Буряты стали готовиться к битве. Далее следует обычная версия о битве на Кровавой протоке, поражении бурят и переносе острога на нынешнее место. Основанием для создания этой легенды послужила большая старинная икона Богоматери, висящая над входом в современную колокольню.

Есть ещё одно предание, относящееся к острогу после 1654 г. Оно говорит о последней попытке бурят перестать платить ясак и разрушить острог. Здесь снова фигурирует бурятский мальчик, нанявшийся в работники к русским. Играя в бабки с русскими мальчиками, он подрался и поссорился с ними, а затем сказал, что скоро придут буряты и перебьют русских. Управляющий острогом призвал мальчика, обласкал его и узнал о готовящемся вторичном нападении бурят. Мальчик показал в лесу тайный склад оружия — луков, стрел и копий, заготовленных бурятами. Оружие перевезли в острог и послали в Илимск просить помощи. Буряты, подходя к острогу, увидели, что их склад обнаружен, повернули назад и больше не тревожили русских. Мы приводим это предание из «Описания Братской волости», как более раннее. У Овчинникова к этому преданию присоединены подробности о Кровавой протоке, — должно быть, оба предания стали сливаться в одно.

Об остроге 1654 г. имеется ряд письменных сообщений (XVII и XVIII в.). К сожалению, в них мало сведений о внешнем виде острога. Конечно, это было весьма нехитрое, незатейливое сооружение, так как сохранившиеся башни всего около 7 метр[ов] высотой и очень прими-

* Овчинников не приводит этой части предания.

** Предание сообщено М. Е. Карповым и проверено автором путём опросов.

тивной конструкции. Упоминания о Братском остроге встречаются в источниках XVII в.* В описаниях маршрутов и путей по Сибири есть ряд указаний на местоположение Братского острога по отношению к Енисейскому острогу. Составители не располагали точными сведениями и в трёх маршрутах указано совершенно различное время, необходимое для путешествия из Енисейска в Братск. Но везде Братский острог помещён неизменно около устья Оки.

От последней четверти XVIII в. до нас дошло краткое описание Братского острога в дневнике Николая Спафария, проезжавшего с посольством в 1675 г. через Сибирь в Китай. Он пишет: «А острог стоит на ровном месте. А в остроге церковь во имя Пресвятой Богородицы Владимирской. А жилых дворов казачьих с 20. Да под острогом течет река Ока. А вытека из степи, а по ней живут пашенные крестьяне и братья». К сожалению, о самом остроге, о количестве башен у Спафария нет сведений. Из приведённого отрывка видно, что в 1675 г. в остроге уже имелась церковь** и существовал посёлок.

Приблизительно к этому же периоду относится «невольное» посещение Братского острога знаменитым расколоучителем, протополом Аввакумом. Сосланный в Тобольск, он не прекратил своей проповеди и был отправлен в Даурию. На пути ему пришлось зазимовать в Братском остроге, где, по преданию, он был посажен в тюрьму — в северо-западную башню. «И в тюрьму кинули, соломки дали, что собачка на соломке лежу; коли накормят, коли нет; мышей много было, а их скуфьей бил», — писал он о своём пребывании в Братске.

В «Чертёжной книге Сибири» Семёна Ремезова от 1701 г. имеются первые изображения Братского острога. Первый сибирский картограф довольно точен в своих изображениях и пользовался солидными источниками***. Братскому острогу, не имевшему большого значения, у него

Южная башня Братского острога. Из материалов поездки А. И. Михайловской 1927 г.

*Титов, А. Сибирь в XVII в. — «Описание Сибирского царства», «Чертеж всей Сибири, збираннный в Тобольске по указу царя Алексея Михайловича», «Список с чертежа Сибирской земли».

**Надальтарный памятник этой «острожной» церкви стоит и сейчас (см. черт. 6).

***Оглоблин, Источники «Чертёжной книги» Ремезова; Серебрянников, Иркутская губерния в изображении «Чертёжной книги» Ремезова.

уделено немного места. <...> Ремезов неизменно помещает Братский острог на левом берегу Оки, при впадении её в Ангару (черт. 2, 3, 4). Он располагал сведениями, относящимися ко второй половине XVII в., и его изображения относятся к «острогу», построенному в 1654 г., от которого остались башни. Братский острог, в изображении С. Ремезова, является квадратным сооружением с 4 угловыми башнями, с тыновой оградой и «проезжими воротами». За тыном изображён небольшой посёлок... изображена стена с 2 башнями и церковь внутри... 3 шатровых крыши. Видимо, о Братском остроге у Ремезова были более старые и более новые сведения, на основании которых он на одном чертеже поместил церковь, а на другом не изобразил её*. В 1675 г., по описанию Спафария, церковь уже существовала. Поэтому возможно, что изображение без неё является более старым и относится к первоначальному виду острога, когда острог имел все 4 башни. На следующем чертеже... изображены только 2 башни, но зато отмечена церковь, т.о. этот чертёж составлен по более поздним сведениям (с 1675 г. по 1701 г.), когда осталось всего две башни. Около Братского острога Ремезов помещает юрты бурят — очевидно, в конце XVII в. ещё не все буряты ушли отсюда. Братский острог был подчинён Илимску, и на чертеже Ремезова указана сухопутная дорога из Братского острога в Илимск — через Ангару по горам: «Дорога до Братска заволок двои сутки едут».

Следующими сведениями, которыми мы располагаем, являются обстоятельные, по-немецки точные, записи о Братском остроге в описании путешествия по Сибири Гмелина, в 1736 г. Он помещает острог на левом берегу Ангары (у устья Оки). «Братский острог», — говорит он, — «имеет в каждой стороне по 30 сажен. На стороне к Оке имеется большой вход, а на ангарской стороне — малый. Направо от большого входа — приказная изба. На стороне, противоположной окинской, на каждом углу при закладке острога тогдашними енисейскими служилыми людьми. В остроге есть церковь; несколько кладовых построены недалеко от порохового и винного погребов. Снаружи острога стоят 50 жилых домов, а выше (по реке) в 5 верстах** — монастырь, называемый Спасским».

Как видно из этого описания, Братский острог значительно вырос к первой половине XVIII в. Число домов удвоилось. Но одновременно острог терял своё военно-оборонительное значение. Осталось всего две башни по углам, а вместо двух других стояли приказные избы. Возможно, что это случилось в период составления Ремезовым карт на рубеже XVII и XVIII вв., и поэтому на одном чертеже он помещает острог с 4 башнями, но без церкви, а на другом изображает всего 2 башни и церковь. Последнее сопротивление русским буряты оказали в 50-х гг. XVII в. После этого они отошли вверх по Оке и больше не тревожили русских. Долина Ангары была покорена, а вместе с этим падало значение Братского острога, как военно-опорного пункта.

*Верхоленский острог у Ремезова изображен так же — в одном месте с церковью, а в другом без неё.

**5 км с небольшим.

В одном из архивных документов 40-х годов XVIII в.* сообщены сведения о Братском остроге, совпадающие с данными Гмелина. Кроме того, там упоминается казённый амбар с балкончиком, выстроенный над проезжими воротами, старая приказная изба в правом углу и новая строящаяся приказная изба в левом углу острожной стены, выходящей к Оке. Тын ещё подновлялся, и ставились новые рогатки около него, но в половине XVIII в. острог, как крепость, уже пережил самого себя и маленький «кремль», где были сосредоточены казённые учреждения и жил приказчик, являлся центром хозяйственного управления района**. К концу XVIII в. стены острога, не подновлявшиеся за ненадобностью, разрушились. В 1842 г. вместо уничтоженной старой острожной церкви*** была построена новая, а место острога окончательно превращено в церковный погост, на углах которого остались 2 уцелевшие башни острога.

Церковный погост, расположенный на месте острога, занимает такую же площадь, как и уничтоженная крепость. Место для острога было выбрано удачно — на холме с широким видом на Ангару и Оку. Острог стоял в метрах 60 от берега реки (устья Оки). Главный вход в него был в стене, выходящей на Оку, и к острогу удобно было подплывать на лодках.

Сохранившиеся острожные башни стоят по углам церковного погоста, а в церковной ограде, выходящей к Оке, стоит колокольня, которую жители Братска считают третьей башней острога (см. чертёж 6). Башни Братского острога описаны были Султановым на основании документов Археологической Комиссии, представленных, главным образом, данными местного любителя старины Воротникова****. Воротников, в свою очередь, воспользовался более ранней статьёй «Описание Братской волости», так как описания их совпадают слово в слово. К сожалению, в этих описаниях допущены неточности.

Острог не был ориентирован по странам света. Стена его, соединявшая уцелевшие башни, имела направление на ю.-з. Для удобства мы будем называть башню, находящуюся на северо-западном углу острога (на правом углу, если смотреть с реки) — 1-ой башней, а на юго-западном углу 2-ой башней.

Башни сложены из лиственничных брёвен толщиной в 22–24 см. Нижняя часть башен состоит из 20 венцов, а верхняя (более широкая, выступающая) из 5 венцов. В пазах между брёвнами — мох. Срублены башни

*«Опись Братского острога 1741г.» в неопубликованной еще статье проф. Лаптева, которому автор приносит благодарность за указание сведений о Братском остроге.

**В 1729 г. в районе Братского острога по податным спискам значилось — «В Братском остроге и в деревнях разночинцев сто восемьдесят одна душа, крестьян семьсот восемьдесят восемь душ, помещиков пять оклад каких на 728 год на генварскую треть по двадцати по три копейки с души итого 224 рубля = 2 = копейки. Да вышеписанных разночинцев кроме помещиков по тридцати копеек з души и того = 23 = рубли = 53 копейки» (Ирк[утский] Научн[ый] Музей, колл[екция] № 173).

***Старая церковь, по одним сведениям, сгорела (хотя иконостас из неё и некоторые старинные предметы целы), а по другим — сломана за ветхостью.

****Данные Воротникова относятся к концу XIX в.

«с остатком». Концы брёвен выступают сантиметров на 25, а там, где эти выступающие концы образуют кронштейны, на которых лежит более широкая верхняя часть башни, они выступают почти на полметра.

Между башнями есть разница в некоторых деталях постройки. Кладка брёвен в башнях несколько различна. В 1-й — верхние брёвна вкладываются в выемку нижних, как в современных постройках, а во 2-й, наоборот, — нижнее бревно заходит в выемку верхнего. Такая кладка теперь не употребительна, и это заставляет думать, что 2-ая башня построена раньше 1-ой, или они строились одновременно, но различными плотниками. Кроме этого, 2-ая башня отличается от 1-ой тем, что в

Северо-западная башня Братского острога.
Из материалов поездки А.И. Михайловской 1927 г.

1-й кронштейн, образующий выступ облама, состоит из одного бревна, а на 2-ой — из двух. Поэтому во 2-ой башне верхняя часть больше выступает, чем в 1-й, имея более устойчивую подставку (см. черт. 7 и 8).

Расстояние между башнями — около 54,5 м, а общая длина Ю-З стены, включая протяжённость двух башен, равна 66,3 м. Таким образом, указание Гмелина, что стороны острога имеют по 30 саж. (64 м) каждая, соответствует действительности, и разница получается незначительная. Общая длина всех стен острога была около 260 метров.

Башни, насчитывающие около 270 лет, находятся в плохой сохранности. Они осели и не менее, как на 20–30 см, ушли в землю. От времени и солнца они почернели, но внутри башен брёвна имеют хороший вид. В самом плохом положении — северная стена 1-ой башни, которую источили северные ветры, и брёвна которой в глубоких бороздах и позеленели. Чтобы предохранить башню от разрушения, хорошо было бы поставить на некотором расстоянии от стены щит-забор для защиты от ветров. Башни были перекрыты лет 50 тому назад, а сейчас крыша снова требует ремонта. За исключением выветрившейся наружной стены, северо-западная башня сохранилась лучше, чем южная. Южная башня сильно покосилась, так как нижние венцы подгнили, между первым и вторым этажом частично провалился пол, и проникнуть внутрь башни можно только с большим риском.

Размер башен в прежних описаниях указан довольно точно (8 арш. — стены и 10 арш. высоты). Длина сторон 1-ой башни — 5 м 96 см, а 2-ой — 5 м 87 см. Высота — 6 м 85 см — до конуса крыши (считая 18 см на вrostание в землю). Высота 2-ой башни до облама — 4,4 м, а стенки облама — 1,3 м. В башнях два этажа — высота нижнего 2,75 м и верхнего (до крыши) — 3,75 м. Потолка в верхнем этаже нет, и видны стропила крыши.

Там, где верхняя часть башни образует выступ, на кронштейнах лежат два бревна во 2-ой башне и одно бревно в 1-ой. Между ними и стеной башни образуется щель сантиметров в 15. Из этой щели на врагов, подступавших близко к стенам, лили горячую смолу и стреляли. Таким образом, более широкий (по сравнению с основанием) верх башни имеет оборонительное назначение — отражать приступы к стенам.

Другим оборонительным приспособлением являются бойницы. В верхнем этаже эти бойницы — небольшие, квадратные окошечки, в 15–18 см. Края брёвен около бойниц срезаны наискось, что давало возможность направлять оружие вправо и влево (см. черт. 11). Таких бойниц в наружных стенах башен сделано по 3 с каждой стороны и по одной в стенах, выходящих внутрь острога. От пола верхнего этажа эти бойницы не высоко, так что стрелять через них, стоя во весь рост, трудно, и, вероятно, приходилось вставать на колени. В нижнем этаже прорезаны большие бойницы (40–22 см) по одной с каждой стороны, предназначались они, видимо, для пушек, так как расположены они в 75 см от пола и довольно велики. Эти бойницы с внутренней стороны задвигались ставнем и припирались. Внутри башен в стенах около бойницы имеются выемки для вставки ставня (см. черт. 9), но самих ставней не сохранилось. По конструкции эти бойницы напоминают волоковые окна в современных тяжёлых зимовьях. Окон в башнях нет. Сообщения между двумя этажами, разделёнными однорядным настилом, с насыпанной землёй, нет.

В нижнем этаже обеих башен около входа находятся огромные полуразрушенные печи, сложенные из больших неровных глыб красной жёлтой глины. Печи стоят на столбах, и около них рама из толстых брёвен. Султанов предполагает, что печи эти позднейшего происхождения, когда башни были приспособлены под жильё. Прimitивность этих печей говорит за их старину. Может быть, они были поставлены, когда башни теряли своё военное назначение и могли служить тюрьмой. Топились печи по чёрному, так как стены нижнего этажа внутри башен покрыты слоем копоти. Для выхода дыма около печи, на высоте человеческого роста, прорезано окошечко — бойница, равная по размерам бойницам нижнего этажа. Она расположена слишком высоко для пушек и самопалов и выходила внутрь острога за тыном. Возможно, что это было световое окошко до установки печей. Пол в башнях земляной.

В нижний этаж ведёт небольшая невысокая дверка, почти квадратная раньше, а теперь имеющая в ширину 1,55 м и в высоту 1 м. Порог глубоко ушёл в землю, и приходится сильно наклоняться, чтобы пройти. Сохранились косяки, а самой дверки нет. С внутренней стороны вверху косяка отверстие, — по-видимому, дверь имела вверху выступ-шпенёк, который вставлялся в отверстие, а дверь закладыва-

лась засовом изнутри. В верхний этаж ведёт ещё меньшая дверка — окно. В южной башне сохранился ещё косяк, и внутри башни валяется створка от дверки. Дверка сделана небольшого размера, чтобы неприятелю было трудно обстреливать этот вход. Около дверки имеются в брёвнах две глубокие выемки, в которые вкладывались верхние концы лестницы* или были вставлены подпорки для площадки лестницы. Со стороны ближайшей к наружной стене башни вдоль всей дверки имеется углублённо-вырезанная полоса (см. черт. 10 рис. 12 и 13). В этом месте был, очевидно, щиток, загораживающий лестницу и вход от вражеских стрел. Или же в этом месте прилегал сплошная стенка от крытой площадочки-балкончика. В Илимске, в Никольской башне, были как раз такие крытые входы. В 1-ой башне дверка в верхний этаж расположена над нижней дверью. В другой стене, выходящей внутрь острога, имеется ещё такое же окно-дверь без косяка, заделанное брёвнами. Как дверь, оно никогда не употреблялось, так как нет никаких зарубок для лестницы. Во 2-ой башне дверь в нижний этаж прорублена в восточной стене, а ход в верхний устроен не над ней, а в северной стене. По прилагаемому плану (черт. 6) и иллюстрациям можно судить о вероятном расположении лестниц.

Крыши башен довольно плоские, «колпаком», образованы из 8 соединяющихся в конус балок; а две горизонтальные балки лежат вместо потолка. Крыша покрыта в два ряда тёсом, причём верхние тесины вырезаны в виде копий и имеют свес в 36 см**. Элемент украшения башен только в этих концах — копьях и в резном столбике — шпиле на крыше. Вся постройка носит утилитарный практический характер, отвечая требованиям лучшей обороны.

По чертежам Ремезова и преданиям жителей, Братский острог имел тыновую ограду, состоявшую из заострённых с двух сторон, вбитых в землю брёвен, плотно прилегавших друг к другу. По чертежам Ласковско-го, такая тыновая ограда обычно скреплялась шедшим вдоль неё (на половине её высоты) помостом. Бойницы в тыне располагались в 2 яруса, и стрелки стояли на земле и на помосте. На помосте ходили и часовые. Какой был тын в Братском остроге, сказать трудно, так как от него ничего не сохранилось.

Кроме тына, острог был окружён рогатками, уничтоженными в начале XIX века.

Нам важно установить, в каком месте прилегал тын к башням и какой он высоты.

В стенах башен, обращённых внутрь острога, имеются на расстоянии 36 см от наружного угла по две бойницы — малая вверху и большая внизу. Расположение бойниц во всех четырёх стенах обеих башен, обращённых внутрь острога, одинаково. Малая бойница прорезана на 3-м бревне сверху (от облама), а большая — на чет-

* Ровинский, посетивший Братский острог в 70-х гг. XIX в., пишет, что были лестницы, но он уже их не застал.

** Султанов пишет, что тесины вырезаны через одну, что совершенно неверно.

вертом снизу. Бойница нижняя кончается на расстоянии около 80 см от угла. Эти бойницы должны были выходить к неприятелю, чтобы обстреливать вдоль тыновой ограды приближающегося к тыну врага. Тын должен быть отстоять от наружного угла башни не менее, чем на 80 см, так как бойница выходила снаружи. На шестом бревне снизу имеется след топора — затёсина. Начинается она на расстоянии 1,15 м от угла, а кончается на расстоянии 1,75 м. Дверь, которая находилась, конечно, внутри тыновой ограды, тоже отстоит от угла на 1,75 м. Тын должен был находиться между дверью, выходящей внутрь острога, и бойницей, выходящей по ту сторону тына, к неприятелю. Затёсина, вероятно, осталась в том месте, где тын примыкал к башне. Таким образом, тын отстоял от наружного угла на расстоянии минимум 80 см и максимум 1,4 м. В Якутском остроге башни тоже выдавались, а «рубленные» стены начинались, отступая от угла на несколько аршин. Эта аналогия и совершенно одинаковое расположение бойниц на одном расстоянии от наружного угла на обоих башнях подтверждают наше положение.

Относительно высоты тыновой ограды Братского острога возможны два предположения:

1) Тын прикрывал дверь в верхний этаж, доходя до её верхнего края, и имел высоту более 5 м. На северной стене 2-й башни на втором бревне сверху (от облама) на расстоянии 80 м от наружного угла имеется слабый след затёсины. Тын мог доходить до неё. В других местах таких следов нет, поэтому затёсина могла быть случайной, и предположение это мало обосновано.

2) Тын доходил до нижнего порога дверки в верхний этаж (имея высоту около 4,2 м), а дверку предохранял щиток или крытый балкончик, существование которых несомненно, так как от них осталась глубоко вырубленная полоска вдоль дверки. Если бы тын был выше дверки, то не было бы необходимости устраивать защитный балкончик. И в Якутском остроге и в Илимском тыновая ограда не была очень высокой, и крытые входы в верхние этажи башен возвышались над тыном. Воротников также говорит о двухсаженном тыне Братского острога. Предположение, что высота тына не превышала 4 метров мы считаем более правильным, тем более, что частокол выше 4 метров плохо держался бы из-за чрезмерной высоты.

Что касается до колокольни, то приходится подвергнуть большому сомнению её принадлежность к острогу 1654 года. Предание называет колокольню третьей башней острога. Все исследователи повторяют это с различными вариантами, считая её или сторожевой башней или перенесённой с угла, или перестроенной из двух угловых башен (Ровинский, Овчинников, Воротников, неизвестный автор «Описания Братской волости»). Султанов вполне правильно считает, что вопрос о колокольне может быть разрешён только на месте.

Колокольня Братскоострожной церкви стоит на северо-востоке от неё, сбоку, на несколько необычном для колоколен месте. Стоит она не в середине церковной ограды, а в 20,8 м от се-

верного её угла и в 37,7 от южного*. Основание колокольни состоит из четырёхгранника, стороны которого по 7,9 м, а высота 4,27 м. На этом основании поставлен 8-угольный сруб около 10 м высоты, а на нём 8-угольная открытая площадка для колоколов, завершённая куполом. Общая высота колокольни около 17 метров. Колокольня обшита тёсом таким образом, что получается как бы футляр, надетый сверху сруба.

Старик-сторож рассказывает, что колокольня обшита тёсом в 1842 г. при постройке новой церкви. Старая колокольня уцелела от пожара (или разрушения) острожной церкви, её подновили, подвели под неё новый клад и обшили тёсом. В нижней части колокольни имеются ворота, над которыми висит огромная старинная икона Богоматери на доске. Проезда через ворота сейчас нет, хотя они достаточно широки для этого; входят обычно в церковный погост через них. Створки ворот сделаны из теса одновременно с обшивкой всей колокольни и окрашены, как и она, в жёлтый цвет. В самом срубе, в двух стенах, прорезаны арки с закруглёнными углами, по размерам большие, чем наружные тесовые ворота (ширина их 4,9 м, а высота 2,1 м). Внутри колокольни имеется двойной клад из горизонтальных брёвен, диаметром в 85 см, и огромных стоек-столбов, подведённых снизу. Как и в угловых башнях, внутри колокольни лес выглядит очень свежим.

Около арки, выходящей внутрь погоста, нет никаких следов ворот. Зато выше арки, находящейся в наружной стене, с внутренней стороны, имеются большие углубления — зарубки, а под третьим бревном — балка с 2 отверстиями для втулок от ворот. Тут же, внутри колокольни, лежат две створки огромных массивных ворот, сейчас уже не употребляющихся. Каждая створка состоит из 6 толстых тесин, крепко пригнанных друг к другу таким образом, что часть одной входит в другую, и скреплённых 2 поперечинами. На последней тесине — выступ-втулка (аналогичная втулке на дверке угловой башни). Ворота эти больше, чем вырезанная для них арка. Они приставлялись с внутренней стороны, втулки их вкладывались в отверстия балки над воротами, и они свободно открывались и закрывались, а потом, вероятно, задвигались засовом. На одной из створок — толстая железная петля для замка. Ворота очень старые, обтёсаны топором без рубанка. Восьмиугольный сруб колокольни срублен «с остатком», и брёвна снаружи почернели, так как, видимо, до обшивки тёсом сруб довольно долго подвергался действию солнечных лучей**. Под куполом можно разглядеть верхушку крыши — плоским колпаком. Колокольня сильно покосилась. По стилю своему она напоминает колокольни XVIII в. окрестных церквей***,

*Левого, если стоять спиной к реке и лицом к колокольне (см. черт. 6).

**Это удалось рассмотреть из слухового окна в щель между обшивкой и срубом, между которыми расстояние не меньше 20 см.

***В с. Шаманово, Б.-Окинском, Падунском.

особенно Шамановскую, отстоящую тоже отдельно от церкви.

Осмотр колокольни привёл к следующим выводам. Наиболее старая часть колокольни — основание в виде куба с проезжими воротами. Но и эта часть не сохранилась в первоначальном виде, потому что в 1846 г. под неё подведён двойной оклад. Верхняя часть колокольни может быть отнесена к XVIII в. На чертеже Ремезова, изображающем Братский острог конца XVII в., всего 4 башни и проезд в стене, выходящий на Оку. Гмелин также говорит о главном входе в острог со стороны Оки. В архивных документах XVIII в. есть упоминание о проезжих воротах и казённом амбаре над ними. Таким образом ни в XVII, ни в XVIII в. никакой сторожевой башни в острожной стене, выходящей на Оку, не было, но были проезжие ворота. В 40-х годах XVIII в. в Окинской стене не было уже угловых башен, а вместо них стояли старая и новая приказные избы. Вопрос о переносе угловых башен и перестройке их в колокольню также отпадает, так как угловых башен уже не было в XVIII в., но не было также и новой башни.

Колокольня была поставлена на месте «проезжих ворот» Братского острога. Возможно, что её основание и ворота сохранились со времён острога. Когда острог потерял военное значение, во 2-й половине XVIII в. над проезжими воротами вместо амбара могли надстроить колокольню. Этим и объясняется неудобное место колокольни — если бы ставили целиком новую колокольню, то выбрали бы другое место. В 1840-х гг. старая колокольня пережила гибель ветхой острожной церкви. Поэтому правы жители, утверждающие, что современная колокольня старше современной церкви. Они думали, что она перестроена из башен, тогда как основание её — старые проезжие ворота, а верхняя часть — колокольня старой церкви.

Итак, существовавшее в исторической литературе мнение, основанное на предании, о колокольне, как о сторожевой башне или как о перестроенной башне, неправильно. В основе этого предания есть доля истины, — действительно, колокольня связана с «острогом», но иным образом, чем это представляла себе народная память.

Таковы остатки деревянной крепости в Братске.

Эпоха первоначального накопления капитала, каким явилось для Сибири продвижение русского торгового капитала в XVI–XVII вв., подчинившее туземцев своему владычеству, нашла своё выражение и в сибирских памятниках зодчества этого периода. Почти лишённые элемента художественности, деревянные крепостные сооружения Сибири являются ярким отражением узких утилитарных стремлений торгового капитала, откровенно и грубо стремившегося к полной эксплуатации туземного населения.

ЛИТЕРАТУРА

- Андриевич В.К. История Сибири с древнейших времён. Ч. 1. — СПб., 1889.
- Арсеньев Ю.В. Путешествие через Сибирь Спафария. — Зап. Русск. Геогр. о-ва, том X, вып. 1, без г. изд.
- Витковский Н. Следы каменного века в долине р. Ангары. — Иркутск, 1889.
- Воротников. О древних башнях в с. Братском. — В кн. Памятная книжка Иркутской губернии. Иркутск, 1881.
- Овчинников М.П. Отчёт о командировке в г. Киренск. — Труды Иркутской учёной архивной комиссии, вып. 3, 1916.
- Описание Братской волости (из собр. Н.С.Романова — фонд. б-ка Иркутского университета).
- Ровинский. Сообщение о поездке по Ангаре и Лене. — Изв. СОРГО, том II, № 3, 1871.
- Серебренников И.И. Памятники старинного деревянного зодчества в Иркутской губернии. — Иркутск, 1910.
- Серебренников И.И. Покорение и первоначальное заселение Иркутской губернии. — Иркутск, 1915.
- Серебренников И.И. Иркутская губерния в изображении Сем. Ремезова (без года и места издания).
- Султанов Н.В. Остатки Якутского острога и некоторые другие памятники деревянного зодчества в Сибири. — Изв. Археологич. Комиссии, вып. 24. — СПб, 1907.
- Титов А. Сибирь в XVII в. — М., 1890.
- Фишер И.Е. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием, кн. 3. — СПб, 1774.
- Чертёжная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семёном Ремезовым в 1701 году. — СПб, 1882.
- Щеглов В.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. — Иркутск, 1883.
- Gmelin F.G. Reise durch Sibirien, 2 Th. — Gottingen, 1752.

A.I. Mikhailovskaya. The Bratsk stockade. — Tal'tsy, №1(6), 1999.

In this article of 1928, reprinted from an old publication, detailed information on the construction of the Bratsk stockade, the choice of site, transportation to a new site and popular legends surrounding it is given.

АЛБАЗИНСКИЙ ОСТРОГ

*Александр Рудольфович Артемьев,
доктор исторических наук,
Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН, г.
Владивосток*

Албазинский острог был крупнейшим укрепленным поселением русских первопроходцев на Амуре во второй половине XVII века.

В работах отечественных историков Албазин обычно фигурирует в связи с двумя крупными событиями второй половины XVII в. на Амуре: приведением Е.П. Хабаровым в русское подданство значительной части населявших его народов в 1649–1653 гг. и маньчжурской агрессией 1685–1689 гг., завершившейся подписанием Нерчинского мирного договора.

Впервые Албазин упоминается в 1650 г., когда в конце сентября отряд Е. П. Хабарова занял на Верхнем Амуре городок даурского князя Албазы, имя которого впоследствии дало название и острогу. Вопреки мнению ряда историков, сведений о каких-либо строительных работах в Албазине при Хабарове не имеется. В действительности осенью 1650 г. отряд Хабарова занял покинутый даурами городок, где участники экспедиции перезимовали: Покидая городок в июне 1651 г., Хабаров приказал сжечь его, после чего он фигурировал в источниках как «городище».

Новый, подлинно русский, этап в истории Алябина начался в 1665–1666 гг., когда туда переселилась группа из 84 казаков и крестьян во главе с Никифором Романовичем Черниговским. Эти люди убили на Лене в устье р. Киренги илимского воеводу Л.А. Обухова «...за невозможное свое терпение, что он, Лаврентий, приезжая к нам в Усть-Киренскую волость, жен их насильничал, а животы их вымучивал». В числе пострадавших от произвола воеводы был и служилый илимский человек, поляк по происхождению, Н.Р. Черниговский, который возглавил восстание, а затем ушел, спасаясь от наказания, с товарищами на Амур. Там они поставили на Албазинском городище острог и взяли на себя функции сбора ясака с местного населения. Весь собранный ясак казаки исправно переправляли через Нерчинск в Москву. Царская администрация заочно приговорила Н.Р. Черниговского с семнадцатью товарищами к смертной казни. Однако они настолько преуспели в сборе ясака, что в 1672 г. по настоянию сибирских властей были прощены и зачислены на государственную службу.

Начало 80-х годов ознаменовалось резкой активизацией действий в Приамурье маньчжурских войск, которые вытеснили русское население с Селемджи и Зеи и открыто готовились к нападению на Албазин и Нерчинск.

В начале 1683 г. в рамках мероприятий по увеличению обороноспо-

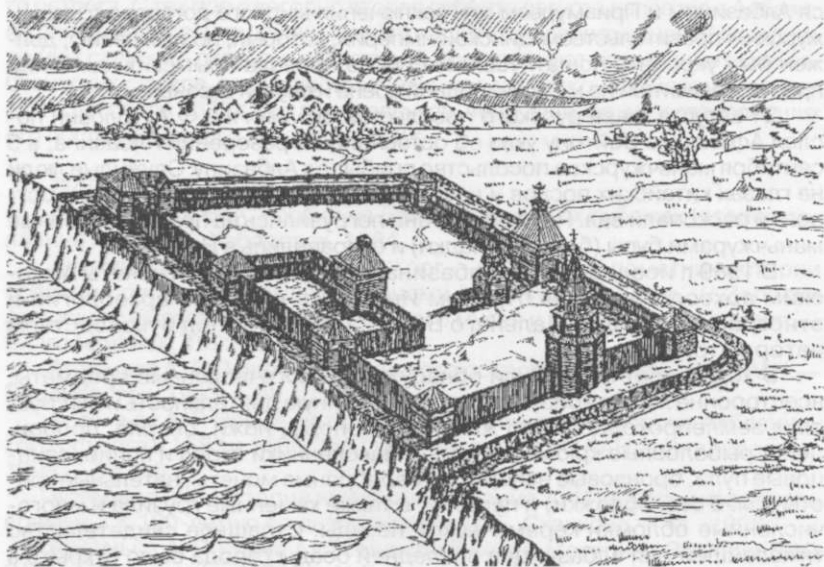
способности забайкальских и даурских острогов Якутский, Иркутский, Илимский, Нерчинский и выделившийся из него в 1682 г. Албазинский уезды были объединены в Енисейский разряд и отданы в подчинение енисейскому воеводе, князю К.О. Щербатову. По указу царей Ивана и Петра Алексеевичей в сибирских городах был произведен срочный набор 500 человек служилых людей для отправки на защиту даурских острогов. Срочной перестройке был подвергнут Албазинский острог, новые стены и башни которого были срублены служилыми и промышленными людьми к лету 1682 г.

12 июня 1685 г. маньчжурское войско численностью более 10000 человек с 200 пушками осадило Албазин. 16 июня неприятель предпринял решительный штурм города. В ходе него выяснилось, что ядра «проломных» пушек маньчжуров легко пробивают стены и башни острога. Тем не менее, потеряв 100 человек из 450, албазинцы, имевшие в своем распоряжении только три пушки и около 300 пищалей, отбили приступ. После этого нападающие обложили стены города хворостом и подожгли. Огненные стрелы маньчжуров сожгли также амбары и церковь, запасы пороха и свинца были на исходе. Ввиду этого воевода А. Л. Толбузин вынужден был начать переговоры о капитуляции.

По условиям капитуляции оставшиеся в живых албазинцы беспрепятственно ушли в Нерчинск, куда прибыли «наги и босы и голодны» 10 июля, а уже 15 июля воевода И. Е. Власов направил отряд в 70 казаков на албазинское пепелище. Выяснив, что китайцы ушли, он отправил туда пришедший на подмогу в Нерчинск отряд под командованием казачьего головы поручика А.И. Бейтона, возглавлявшего подошедшую наконец-то подмогу. В августе вернулся в Албазин и воевода А. Л. Толбузин, с которым пришло новоприборных и старых албазинских служилых людей 488, пашенных крестьян 70 и промышленных людей 96. Им было приказано построить новый острог или город с колодцем «... ниже старого албазинского острожного места, чтоб неприятелю было не в уступку». Новый острог возвели все же «... на старом Албазинском острожном месте». До морозов под руководством Толбузина успели возвести «...земляного города в ширину 4 сажени печатных, а в высоту полторы сажени печатных же». В июне 1686 г. строительство нового острога было в основном закончено, и только башни крепости покрыть не удалось, потому что 7 июля (по китайским источникам — 8 июля) маньчжуры вновь осадили город.

Новая осада Албазина продолжалась пять месяцев. В ходе нее 826 защитников крепости успешно противостояли 6500 воинам противника. Маньчжуры окружили русские укрепления земляным валом, а севернее острога возвели раскат высотой 15 м, с которого непрерывно обстреливали город из пушек под руководством 20 голландцев-иезуитов. С южной стороны они пытались построить башню для тех же целей, но албазинцы первую из них сожгли, а вторую разрушили подкопом. Ответные подкопы под город маньчжуров успеха не имели. Пять раз албазинцы совершали смелые вылазки из осажденной крепости, особенно значительной из которых была последняя, совершенная 16 августа, когда они пытались уничтожить северную батарею противника. На пятый день осады А.Л. Толбузин был смертельно ранен в ногу ядром, залетевшим в бойницу башни, из которой он наблюдал за противником, и командование острогом принял А.И. Бейтон.

30 ноября 1686 г. маньчжурские воеводы получили распоряжение императора о снятии осады. Формальным поводом для этого послужил приезд в Пекин гонцов из Москвы с известием о выезде в Приамурье русского посольства во главе с окольным Ф. А. Головиным для переговоров о мире. Однако не менее весомой причиной такого решения было тяжелое положение, в котором оказались осаждавшие Албазин войска. Оторванные от баз снабжения, они потеряли к декабрю на приступах, от голода и болезней более 1500 человек. Тем не менее выполнить приказ императора Сюань Е маньчжуры не смогли, поскольку лед уже сковал их суда, и фактически осада продолжалась, так как выходить русским из крепости они не давали. Только в мае 1687 г., когда сошел лед, маньчжуры отступили от города на четыре версты, но не уходили, чтобы помешать албазинцам посеять хлеб. К этому времени их потери составляли

Албазинский острог. Реконструкция

уже 2500 «воинских людей» и много «работных никанских мужиков».

Положение осажденных албазинцев было намного трагичнее. В декабре их осталось всего 150 человек, из которых нести караульную службу могли лишь 30 мужчин и 15 подростков, другие ослабели от ран и цинги. Несмотря на это, А.И. Бейтон отказался впустить в крепость маньчжурских лекарей, ответив, «что в Албазине служилые люди милостию великого бога все здоровы». На Пасху он послал изумленным китайским воеводам пшеничный пирог весом один пуд, который они «приняли с честью». К маю 1687 г. в Албазине осталось в живых только 66 «осадных сидельцов». А.И. Бейтон не решился предать земле тела павших албазинцев без отпевания, поскольку священник, по-видимому, также

умер, о чем сообщил нерчинскому воеводе И.Е. Власову: «И те умершие люди похоронены в городе в зимовьях поверх земли без отпеву до твоего рассмотрения. А ныне я с казаками живу во всяком смрадном усыщении. А вовсе похоронить без твоей милости и приказу дерзнуть не хочу, чтоб, государь, в прегрешении не быть. А хоте, государь, ныне и благоволишь похоронить, да некем подумать и невозможно никакими мерами». Похоронить этих павших албазинцев достойным образом возле церкви Воскресения, где в остроге находилось кладбище, А.И. Бейтону так и не удалось.

29 августа 1689 г. в Нерчинске был подписан русско-китайский договор, по которому граница между двумя государствами проводилась по впадающей с севера в Шилку — реке Горбице. Албазинский острог по договору оказывался за пределами русской территории и подлежал уничтожению, а его жители переселению. Правительство царевны Софьи решило поступиться Албазином и Приамурьем для заключения мирного договора с маньчжурским правительством Цинской империи, который, по их мнению, должен был укрепить пошатнувшийся после провала крымских кампаний престиж регентши на международной арене и внутри страны.

31 августа глава русского посольства окольничий Ф.А. Головин послал Афанасию Бейтону указ об оставлении и разорении Албазина, а 5 сентября маньчжурское посольство прибыло к Албазину. Служилые люди на глазах китайских послов и воевод сожгли деревянные строения острога и раскопали вал. После этого они погрузились на предоставленные маньчжурами бусы (большие лодки) и отправились в Нерчинск.

В 1989 г. исследования Албазина и его округа были начаты Амурским археологическим отрядом Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН под руководством автора этой статьи.

В ходе работ нами были обнаружены многочисленные предметы, всесторонне характеризующие хозяйственную деятельность и быт русских землепроходцев. Это железные топоры, ножи, сверла, пробои, цепи, рыболовные крючки, остроги, наконечники стрел и копий, свинцовые пули, бронзовые наперстки, серебряные монеты, нательные кресты (см. 3 стр. обложки) и перстни, а также каменные грузила и многочисленные обломки керамической посуды. Страшное свидетельство тяжелой для албазинцев последней осады города было открыто в прибрежной части острога. В 1991 г. была найдена, а в 1992 г. изучена «братская могила» защитников крепости, в которую превратилась небольшая полуземлянка (6х3,5 м). Человеческие скелеты заполняли всю землянку, за исключением небольшого пространства перед устьем печи, расположенной в ее северо-западном углу. Всего, судя по количеству черепов, в помещении находилось 57 тел. Все они были положены одетыми. Об этом свидетельствуют находки 40 бронзовых и оловянных пуговиц, а также фрагменты шерстяной вязаной ткани и ткани с нашитыми на нее бусинами. Несколько черепов были детскими. Кроме того, среди погребенных было около 10 женщин. Подавляющее же большинство открытых тел принадлежало русским казакам. В телах двоих из обнаруженных в полуземлянке защитников крепости были найдены наконечники стрел, еще двое погибли от свинцовых пуль. Между тела-

отрядом грядет А.И. Бейтону

ми погибших землепроходцев в полуземлянке были найдены горшки с поминальной кутьей, а на самих останках 25 нательных крестиков — 22 бронзовых и три серебряных.

Очевидно, что открытая нами полуземлянка была одной из тех «земляных изб», которые возвели осенью-весной 1685–1686 гг. служилые и промышленные люди в ожидании новой осады Албазина и куда по приказу А.И. Бейтона были сложены тела погибших, но не отпетых по православному обряду албазинцев.

8 августа 1992 г. по нашей инициативе и по решению Администрации Сковородинского района Амурской области с благословения епископа Хабаровского и Благовещенского преосвященного Иннокентия (ныне епископа Читинского и Забайкальского) останки героически погибших защитников крепости были отпеты и торжественно погребены по православному обряду, под звуки воинского салюта на территории Албазинского острога. С тех пор ежегодно вторая суббота августа является в Албазинском дне поминовения павших при его защите землепроходцев. В этот день по ним служится литургия, на которой присутствуют прямые потомки албазинских казаков, покинувших Албазин после русско-китайского Нерчинского договора 1689 г. и их праправнуков, вернувшихся и восстановивших его после Айгунского договора 1858 г.

ЛИТЕРАТУРА

Александров В. А. Россия на Дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). — Хабаровск, 1984.

Артемьев А. Р. Албазинский острог — старейший памятник истории освоения русскими землепроходцами Приамурья в XVII в. // Записки Амурского областного краеведческого музея и общества краеведов. — Благовещенск, 1992. Вып. 7.

Артемьев А. Р. Печать Албазинского острога // Вестник ДВО РАН. — Владивосток, 1993. — № 1.

Артемьев А. Р. Новые материалы о героической обороне Албазинского острога в 1685 и 1686–1687 гг. // Вестник ДВО РАН. — Владивосток, 1993. — № 4–5.

Артемьев А. Р. История изучения Албазина. // И не распалась связь времен... К 100-летию со дня рождения П. Е. Скачкова. — М., 1993.

Артемьев А. Р. Икона Албазинской Божьей Матери // Вестник ДВО РАН. — Владивосток, 1995. — №5.

Артемьев А. Р. История и археология Албазинского острога // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII — XIX вв. (историко-археологические исследования). — Владивосток, 1995. — Т. 2.

Артемьев А. Р. Останки непогребенных защитников Албазинского острога // Российская археология. — М., 1996. — № 1.

Артемьев А. Р. Из истории героической обороны Албазинского острога от маньчжуров // Проблемы Дальнего Востока. — М., 1996. — № 3.

A.R. Artem'ev. The Albazinsk stockade — Tal'tsy, №2(6), 1999.

Information is given on the fate of the Albazinsk stockade in the basin of the Amur, first mentioned in 1650. Archaeological excavations led by the author disclosed many items typical of the life and economy of the Russian explorers.

**АРХИТЕКТУРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ «ХОХЛОВКА»**

*Константин Григорьевич Пирогов,
заведущий музеем «Хохловка»*

*Наталья Павловна Степанова,
старший научный сотрудник,*

*Сергей Андреевич Шевырин,
научный сотрудник*

Архитектурно-этнографический музей «Хохловка», музей федерального значения, является филиалом Пермского областного краеведческого музея. Музей был открыт 17 сентября 1980 г. Он расположен в 45 км от города Перми, на полуострове Камского водохранилища, и занимает территорию площадью 42 гектара.

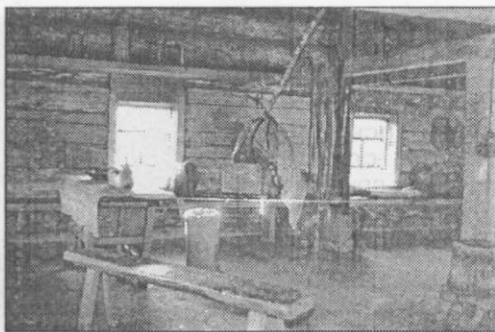
В музее собраны из Пермской области двадцать построек, отражающих культуру бытового, культового, оборонного и промышленного деревянного зодчества конца XVII — начала XX веков. В постоянно действующих интерьерах и сезонных выставках представлены собрания одежды, предметов труда и быта коми-пермяцкого, русского, татарского населения.

В соответствии с этнографическими зонами Прикамья музейный комплекс делится на 3 сектора: «Северо-западное Прикамье», «Северное Прикамье», «Южное Прикамье». Кроме секторов, выделены 3 тематических комплекса: солепромышленный, сельскохозяйственный и комплекс «Охотничье станование».

Сектор «Северо-западное Прикамье» демонстрирует архитектуру коми-пермяков — коренных жителей Пермского края. По генеральному плану в секторе должно быть установлено 24 объекта, но сейчас задействована лишь одна усадьба П.И. Кудымова.

Усадьба Кудымова представлена домом-двором поперечной (Г-образной) связи, перевезённым из деревни Яшкино Юсьвинского района (середина XIX в.). Дом рублен способом «в обло». Он вместе с хозяйственным двором перекрыт двухскатными кровлями самодельной конструкции. Внешний вид его весьма прост. Небольшая

резьба украшает лишь наличники окон. Хозяйственные постройки в крытом дворе (амбар, ледник, баня) являются новоделами. Во дворе собраны орудия труда и хозяйственный инвентарь. Восстановленный в доме интерьер показывает жизнь и быт крестьянина коми-пермяка средней зажиточности на рубеже XIX–XX вв., а также подсобные занятия — прядение, ткачество, изделия из бересты.

*Интерьер избы коми-пермяцкой усадьбы.
Фото С.А. Шевырина.*

Сектор «Северное Прикамье» отражает быт и культуру русского населения, так как этот район в XV–XVII вв. был заселён выходцами из бассейна Северной Двины. В настоящее время здесь стоит церковь Преображения, вывезенная из села Янидор Чердынского района. Времязнаменитая постройка церкви — 1702 г. Она сооружена по типу клетей. Делится на три части — трапезную, собственно храм и алтарь, поднятые на высокий подклет. Двухскатные крыши самцовой конструкции увенчаны бочками и главками. Церковь интересна своим интерьером: в самом храме потолки из толстых плах, пристенные резные скамьи. Этот редкий памятник деревянного зодчества реставрирован в 1984–1985 гг. архитекторами Б.В. Гнедовским и Г.Д. Канторовичем.

Сектор «Южное Прикамье» демонстрирует культуру многих народов. В нём наиболее интересны 5 объектов: сторожевая башня, Богородицкая церковь, колокольня, пожарное депо, усадьба В.И. Игошева.

Сторожевая башня представляет собою копию оригинала XVII в. из села Торговище Суксунского района. История её такова. В 60-х годах XVII в. русские на реке Сылве построили Торговищенский острог. В XVIII в. во время пугачёвского восстания острог был сожжён восставшими. От него сохранилась только одна надвратная башня. Но и она в 1899 г. была уничтожена пожаром, но спустя несколько лет жители села Торговище её восстановили. Высота башни 13,5 м. Этот редкий памятник оборонного зодчества русских, с площадкой-смотрельней, бойницами, боевым выступом, реставрирована в 1972 г. архитектором Г.Д. Канторовичем.

Богородицкая церковь постройки 1694 г. вывезена из села Тохтарево Суксунского района. Построена по типу клетей. Делится на 4 части: алтарь, собственно храм, трапезную и притвор. Кровля несёт на себе бочки, главки. Она украшена резными причелинами и полотенцами, главки — узорной епанчой. Интерьер церкви не сохранился, кроме потолка в алтаре. Церковь используется как выставочный зал. Реставрирована в 1980–1981 гг. архитекторами Г.Л. Кацко и В. Рябовым.

Колокольня постройки 1781 г. вывезена из села Сыра Суксунского района. Представляет собою восьмерик, рубленный способом «в лапу». На срубе сооружён ярус звона с арочными проёмами. Выше него шатёр и небольшая главка. Реставрирована в 1972–1974 гг. архитектором Г.Д. Канторовичем.

*Церковь Преображения.
Фото С.А. Шевырина*

Сельское пожарное депо (первая треть XX в.) вывезено из села Скобелевка Пермского района. Здание высотой 13 м имеет основное помеще-

ние (депо) квадратного сечения. К нему примыкают служебные помещения: конюшня, комната для дежурных. Сверху здания наблюдательная вышка с пожарным колоколом. В самом депо восстановлен интерьер — пожарный обоз, ручные насосы, бочки и т.п. Реставрировано в 1976–1977 гг. архитектором В.Ф. Шардиным.

Усадьба Игошева середины XIX в. привезена из деревни Грибаны Уинского района. Все постройки группируются по периметру вокруг открытого двора. Жилой дом на подклете состоит из двух изб и сеней между ними. Все постройки рублены «в обло». Реставрирована в 1989 г. архитектором В.А. Побоженко.

Солепромышленный комплекс представлен рассолоподъёмной башней, соляным ларем, варницей и соляным амбаром Усть-Боровского солеваренного завода (город Соликамск), построенного в 1882–1888 гг. промышленником А.В. Рязанцевым. Рассолоподъёмная башня находилась над скважиной и служила для подъёма рассола по трубам с

Церковь Преображения из села Янидор Чердынского района. 1702 г. Фото С. Шевырина

помощью насоса, приводимого в действие паровой машиной. Башня — деревянный сруб, покрытый круглой крышей, в которой через отверстие проходит штанга насоса. В соляном ларе накапливался добытый рассол и отсюда распределялся по варницам. Варница — квадратный сруб под шатровой крышей с вытяжной трубой. В срубе помещались печь, металлическая сковорода, в которой из рассола выва-

ривалась соль и тут же на полатах высушивалась. Соляной амбар предназначен для хранения готовой к продаже соли.

Сельскохозяйственный комплекс в музее представлен ветряной мельницей (середины XIX в.), вывезенной из деревни Шихири Очерского района. Она относится к мельницам-шатровкам, особенностью которых является неподвижное основание в виде сруба и подвижное оголовье (крыша).

Ветряная мельница из деревни Шихири Очерского района. Середина XIX века. Фото С. Шевырина

Оголовье двигается вместе с крыльями-махами, находящимися на горизонтальном вале. В комплекс входят амбар для хранения зерна и крестьянское гумно с овином.

Вместе с уникальными памятниками, сохранёнными в музее, собрана большая коллекция одежды русского, коми-пермяцкого, татарского населения, домашней утвари, росписей интерьеров, — всего того, что вытеснено из повседневного быта индустриальным производством. Музей собирает и сохраняет всё это и доносит до народа через выставки, которые устраиваются внутри архитектурных памятников. Музей поддерживает мастеров-умельцев также путём приёма их изделий на экспонирование или на реализацию через сувенирный киоск.

Кроме фольклорных праздников Масленицы и Троицы, в музее разработан цикл тематических познавательных мероприятий под общим названием «Уроки этнографии», основанный на традиционном земле-

Фольклорные коллективы проходят в музее практику. Фото С. Шевырина

дельческом календаре и праздниках, трудовых занятиях крестьян. Общим для цикла является проживание в музее в деревянном доме с печным отоплением. К осенним каникулам школьников приурочены «Осенние вечера», состоящие из двух вариантов-подтем. Первый вариант «Свадебник», из истории русского свадебного обряда, рассчитан на старших школьников, студентов и взрослых. Он включает рассказ, показ фондовых коллекций,

Фрагмент комплекса «Усть-Боровской солеваренный завод купца Рязанцева». 1880 г.

видеосюжетов, выступление фольклорной группы, поцелуйные и имитирующие свадебный обряд народные игры — «бояра», «селезень», «зайнык» и др. Второй вариант «Ни пуха, ни пера», из истории охотничьего промысла в Прикамье, рассчитан на младших и средних школьников. Кроме показа экспонатов, ребят обучают читать следы зверей, настраивать капканы, стрелять из пневматической винтовки.

В зимние каникулы проводятся в музее «Святочные вечера». Сотрудники музея и фольклорная группа, вовлекая посетителей, создают святочное действо, играют в «вечорочные» игры, а после ужина — гадают.

В марте-апреле проводится «Зазимье». Посетителей мы знакомим с приёмами прядения и ткачества, с тайнами и магическим значением орнамента. А утром на берегу залива исполняются «заклички» — обрядовые песни, призывающие весну.

Музей активно сотрудничает с движением «Доброхоты». Помощь музею носит самые различные формы. Учащиеся школы № 9 имени А. С. Пушкина помогают привести в порядок всю территорию музея к летнему сезону. В этом им помогли в 1997 г. студенты зонального стройотряда. Студия духовной и фольклорной музыки городского Дворца творчества юных (руководитель Игорь Носков) и фольклорный ансамбль «Роднички» музыкальной школы № 2 (руководитель Людмила Мальцева) проходят в музее концертную практику. Вместе с сотрудниками музея они создали музыкальную экскурсию, о которой восторженно отзываются все посетители музея. Проходит в «Хохловке» также подготовка общественных экскурсоводов.

Вместе с тем нельзя не отметить, что музей «Хохловка» ныне переживает большие трудности: с 1995 г. не финансируется строительство, не проводится ремонт, заморожена реставрация. Несмотря на это, коллектив музея всеми силами старается поддержать на должном уровне функционирование памятников, отражающих быт и культуру народов Прикамья.

МУЗЕИ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ В РОССИИ (история, проблемы)

*Наталья Ивановна Ивановская,
кандидат исторических наук,
Российский этнографический музей,
г. Санкт-Петербург*

В современном музееведении данное название закрепилось за группой архитектурно-этнографических музеев, осуществляющих показ традиционно-бытовой культуры на основе памятников народной архитектуры в условиях естественной природной среды.

Начало формированию сети музеев под открытым небом было положено в 1891 г., когда в шведском парке «Скансен» учёным-этнологом А. Газелиусом был создан первый в мире музей под открытым небом, демонстрирующий жилые дома и хозяйственные постройки, перенесённые в музей из одного из шведских селений.

Вслед за этим, почти одновременно, в конце XIX века в скандинавских странах, Дании, Голландии, возникает сеть подобных музеев, получивших название «скансены».

Огромная популярность этих музеев окончательно утвердила качественно новое направление в истории музейного строительства. Музеи подобного типа возникают в последующие десятилетия как в европейских, так и в других странах мира. К известнейшим и старейшим музеям относятся Сеури-Саари (Финляндия), Лиллехаммере (Норвегия), Зоргенфри (Дания). Музеи под открытым небом в виде восстановленных селений созданы в Индонезии на Северной Суматре и в Новой Гвинее, в США (индейский посёлок Сан-Диего в Калифорнии). Большие достижения в деле организации музеев под открытым небом имеют Румыния, Польша, Венгрия. Крупнейшими музеями, а всего их несколько десятков, являются румынский «Сатулуй» в Бухаресте, Музей народной архитектуры в г. Санок (Польша), Этнографический музей под открытым небом в Сентендре (Венгрия) и др. Для всех музеев этого типа характерен широкий показ народной архитектуры и быта в ландшафтном окружении.

К первой попытке создания подобного музея на территории нашей страны можно отнести экспонирование на Всероссийской сельскохозяйственной выставке в Москве в 1923 г. крестьянских построек девяти губерний европейской части России с сохранением их внешнего вида, интерьеров и предметов хозяйственного и бытового обихода. Выставка была первым и весьма удачным отечественным опытом создания этнографического музея под открытым небом.

Этот опыт получил продолжение в 1927 г. при создании музея

под открытым небом в Коломенском под Москвой. Коломенский музей должен был показать, по замыслу авторов его проекта, уникальные произведения национального зодчества всех народов, населявших территорию страны. Главная цель этой демонстрации виделась в сохранении и популяризации памятников народной архитектуры. За несколько лет в музей были перевезены несколько замечательных архитектурных памятников.

Заметным явлением в мировой скансенологии стало создание в 1924 г. Латвийского этнографического музея под открытым небом, оказавшего в дальнейшем значительное влияние на создание и развитие российских скансенов. Экспозиция музея носила историко-этнографический характер и давала представление о локальных особенностях народной традиционно-бытовой культуры Латвии.

Сейчас на территории нашей страны существует около 20 музеев, имеющих этнографические экспозиции под открытым небом. Многие из них начали строиться в послевоенное время, когда методика строительства экспозиций подобного типа была недостаточно разработана. Это привело к тому, что пути их формирования, также как и этапы создания, оказались различными. В 50–60-е годы, когда началось целенаправленное формирование сети российских музеев под открытым небом, они преимущественно рассматривались как форма сохранения памятников народного зодчества. Известный музей «Кижжи», основанный в 1951 г., создавался только как собрание уникальных архитектурных сооружений в целях сохранения их для будущих поколений. Таким же путём шла вначале организация и других подобных музеев (Костромской музей народной архитектуры и быта — 1960 г.; Новгородский музей деревянного зодчества — 1964 г.; Иркутский музей деревянного зодчества — 1966 г.; Музей деревянного зодчества в г. Суздале — 1968 г.).

Следующий этап в развитии отечественных скансенов начался на рубеже 60–70 гг. Теперь оно шло на основе достижений этнографической науки и с учётом опыта ещё немногих тогда на территории бывшего СССР архитектурно-этнографических музеев под открытым небом (Латвийский и Эстонский скансены), выработавших определённые принципы содержания и структурной организации музеев данного типа. В это время открываются музеи под открытым небом в Горьком (1968 г.), Архангельске (1973 г.), Улан-Удэ (1973 г.), Вологде (1979 г.). Стали вносить поправки в свои экспозиции и те музеи, которые первоначально создавались как собрание памятников народной архитектуры, показывая теперь на их основе многоаспектные проявления народной культуры (музеи в Новгороде, Костроме, Иркутске).

На современном этапе содержание работы архитектурно-этнографических музеев под открытым небом, также как и этнографических музеев с экспозицией «закрытого» типа, заключается в сохранении, изучении и демонстрации этнографических памятников как части культурного наследия. Специфика данных музеев в том, что они, по существу, являются особой формой этнографической экспозиции, усиливающей познавательный эффект эмоциональным воздействием на посетителя трёх факторов: природной среды, памятников архитектуры и предметов народного быта.

Структура большинства современных отечественных скансенов организована с учётом этнокультурного, архитектурно-строительного, историко-экономического районирования экспонируемых регионов. Это позволяет музею показать всё многообразие элементов материальной и духовной культуры местного населения, характерных для различных историко-культурных зон данного региона.

В условиях нашего времени, когда традиционная культура под влиянием научно-технического прогресса теряет присущие ей особенности, совершенно понятна популярность подобных музеев, предоставляющих возможность прикоснуться к образцам ранее бытовавших форм деятельности и культуры. Более того, поскольку для всех музеев этого типа характерен широкий показ народной культуры и быта в ландшафтном окружении, посетители имеют возможность не только получить определённую информацию историко-культурного плана, но и отдохнуть. Таким образом, скансены выполняют ещё и рекреационную функцию, что многократно увеличивает их популярность.

Всё это даёт право считать музеи под открытым небом эффективнейшей формой освоения национального культурного наследия.

Однако, несмотря на это обстоятельство, отечественные скансены, успешно пройдя в своём развитии путь в несколько десятилетий, на пороге XXI века столкнулись с рядом трудноразрешимых в современных условиях проблем.

Значительное место в деятельности музеев под открытым небом занимает воссоздание народных обрядов и организация фольклорных праздников, театрализованных представлений и т.п. Осуществление этой формы научно-просветительной работы ставит перед музеями проблему выработки норм допустимых антропогенных нагрузок на экспонируемые памятники и ландшафтную музейную зону, дабы обеспечить их сохранность.

Эта проблема, очень актуальная для скансенов, усугубляется в связи с переходом музеев на новые условия хозяйствования, так как необходимость финансового самообеспечения неизбежно приводит к эксплуатации музея преимущественно как площадки для проведения различных массовых мероприятий и, следовательно, к увеличению потока посетителей.

Стремление к самофинансированию порождает ещё одну важную проблему — приоритетность в деятельности музея тех или иных направлений работы. К сожалению, во многих музеях под открытым небом научная работа, связанная с изучением этнографии своего региона, комплектованием коллекций памятников народной традиционно-бытовой культуры, научной обработкой собранного этнографического материала, отходит на второй план, уступая первое место организации массовых мероприятий, как наиболее доходному направлению работы музея.

Нарастание этой тенденции в деятельности музеев-скансенов приводит к тому, что они начинают восприниматься в основном как зрелищно-развлекательные учреждения, рождая в сознании общественности представление о том, что музей под открытым небом может и не располагать подлинными памятниками, выполняя только рекреационную функ-

цию. Приведём очень яркое подтверждение этого факта. В Оренбургской области собираются создать «Ландшафтно-этнографический музей жизни Оренбургского казачества», в основу которого будут положены декорации Белогорской крепости (в натуральную величину, с избами, дворами и церковью), оставшиеся после съёмок фильма о Пугачевском бунте (газета «Санкт-Петербургские ведомости» от 15 мая 1999г.).

Несмотря на то, что отечественные скансены всей своей многолетней деятельностью доказали эффективность данной музейной формы, следует признать, что ныне, в условиях жесточайшего экономического кризиса, под угрозой находится само существование этих музеев. Из-за недостаточности государственного финансирования не только перестала увеличиваться и развиваться сеть музеев под открытым небом, но и уже действующие музеи вынуждены приостановить научно-исследовательскую, экспозиционную и реставрационную работы. Многие музеи, пытаясь приспособиться к жизни в условиях кризиса, безуспешно осваивают экономические методы управления, но не всегда они приводят к достижению главной цели — сохранению музейных ценностей.

Экономические трудности, которые сейчас переживает наша страна, прекращение государственного финансирования практически всех отраслей культуры, в том числе и музеев, создают крайне неблагоприятные условия для дальнейшего развития отечественных скансенов. Но мы не должны забывать о том, что именно музеи, являясь хранилищами исторической памяти, передают национальные культурные традиции от одного поколения к другому, воспитывают историческое сознание. Скансены, обладая огромными возможностями в сохранении и популяризации народной традиционной культуры, играют очень заметную роль в осуществлении этой миссии. Поэтому совершенно необходимо объединить усилия государства и общественности для поддержки и развития российских музеев под открытым небом, сохраняющих для будущих поколений национальное культурное наследие.

ЛИТЕРАТУРА

Галкина Е.Л. Музеи под открытым небом в РСФСР//Музееведение. На пути к музею XXI века. — М., 1989.

Гнедовский Б.В. О создании музеев русской народной архитектуры// Acta scansenologia. Sanok, 1981, т.2.

Никитин Н.А. Развитие культуры и музеи-заповедники//Музеи-заповедники. — М., 1991.

Станюкович Т.В., Чистов К.В. Этнография и актуальные проблемы развития этнографических музеев//Советская этнография, 1981, № 1.

Чайковский Е. Музеям под открытым небом — 100 лет//Музеи-заповедники. — М., 1991.

Этнографические музеи СССР (Перечень). Сост. Н.И.Ивановская, Л.А. Фотий. — Л., 1988.

К вопросу о создании в Коломенском историко-этнографического музея России

*Владимир Викторович Тихонов,
директор Архитектурно-этнографического
музея «Тальцы»*

Всплеск в формировании музеев под открытым небом архитектурно-этнографического типа, отмечавшийся в России в 60–70 гг. XX в., с началом перестройки сменился депрессией. К настоящему времени можно констатировать следующее: только 2–3 музея России архитектурно-этнографического профиля продолжают своё развитие. Перед остальными стоит задача сохранить хотя бы то, что было создано в предыдущие годы. И нет ни одной серьёзной попытки создания новых музеев. Всё это происходит в тот момент, когда наступает период окончательного вытеснения человеческих социумов, придерживающихся патриархального образа жизни и ведения традиционного хозяйства. Настоящее поколение фактически является последним, которое имеет возможность наблюдать сохранившиеся в удалённых районах, пока ещё не столь доступных для современных форм цивилизации, очаги патриархального ведения хозяйства. Незафиксированные, несохранённые настоящим поколением, элементы материальной и духовной культур народов будут окончательно утрачены. Это вынудит наших потомков моделировать и по своему интерпретировать историко-культурную среду прошлого в своём понимании, естественно, уже со значительно большей долей искажения.

Наиболее гарантированной формой сохранения, с более полной приближенностью к естественным условиям элементов традиционной материальной и духовной культуры народов, являются музеи архитектурно-этнографического профиля: резервации и сканеры — типа Скансена.

В современной экономической обстановке широкое создание музеев-резерваций малоперспективно. Связано это с их удалённостью от основных центров цивилизации и связывающих коммуникаций, которые не способны обеспечивать даже незначительный поток туристов. При таких условиях содержание материальной составляющей музея-резервации, его штата, поддержание музея в рабочем состоянии становится нецелесообразным.

Незначительная посещаемость, естественно, не будет приносить существенных доходов. В таких условиях музеи будут работать практически на 100%-й бюджетной дотации, не выполняя при этом своей основной функции — доступности для широких слоев населения со-

храненных элементов материальной и духовной культур народов.

Тем не менее вышеотмеченные рассуждения не исключают, в особых случаях, на месте хорошо сохранившихся фрагментов уникальных в историческом и архитектурном плане поселений создания музеев-резерваций при существовании достаточной перспективы прокладки необходимого для нормального функционирования музея объёма коммуникаций и включения данного музея в сферу туристической деятельности региона.

Путь сохранения и популяризации народной культуры путём создания музеев-сканеров (типа шведского Скансена) обозначился в России как наиболее перспективный в 60–70 гг. XX в., когда было принято решение начать проработку вариантов с последующим строительством 28 музеев под открытым небом. К сожалению, из всех музеев архитектурно-этнографического профиля, начало которых было положено в 1960–70 гг., менее двух десятков получили право на существование, в основном, в недостроенном виде. Отставание России, с её колоссальным разнообразием историко-культурных зон, в вопросе сохранения материальной и духовной культур своих народов огромно. Например, в такой небогатой восточноевропейской стране, как Румыния, различных музеев, практически полностью сформированных, — 18. Это сравнимо с количеством формируемых музеев под открытым небом в России.

Началом нового этапа в деле сохранения и популяризации традиционной культуры народов России можно считать инициативу администрации Государственного музея-заповедника «Коломенское» и последовавшее за ней распоряжение Правительства города Москвы от 17 марта 1994 г. об утверждении плана развития музея, в котором одно из центральных мест занимает музей деревянного зодчества.

Учитывая неординарность данного проекта и его актуальность, однозначно поддерживая начинание, думается было бы целесообразно высказать некоторые предложения в поддержку основного замысла и одновременно остановиться на некоторых дискуссионных моментах данной проблемы с тем, чтобы найти наиболее оптимальные решения.

Для освещения этого вопроса следует вернуться на шесть десятилетий назад, в 1938 г. Тогда одна из схем планировки и организации в Коломенском музея на открытом воздухе, разрабатываемых Академией архитектуры, предусматривала создание музея «Парк архитектуры народов СССР». Перед музеем ставилась задача сохранить и популяризовать памятники архитектуры, являющиеся произведениями народного зодчества, и с их помощью раскрыть особенности развития национальных культур, их взаимовлияние и взаимообогащение. Данная задача должна была решаться путём своза уникальных памятников истории и архитектуры Грузии, Армении, Северного Кавказа, Казахстана, Узбекистана, Туркмении, Белоруссии, Украины, различных регионов России на территорию 200 га, расположенную между р. Москвой, Каширским шоссе и с. Коломенское.

Начавшаяся война похоронила идею, в случае осуществления которой многие регионы СССР и России, в частности, лишились бы основных доминантов своего историко-культурного наследия, а уникаль-

ным памятникам, составляющим основу формируемого музея, был бы нанесён непоправимый ущерб из-за изъятия их из естественной историко-культурной среды с нанесением ущерба, обычно сопутствующего перевозке и переборке памятника, в результате которых утрачивается материал-оригинал.

По идее, сформулированной в письме мэра г. Москвы Ю.М. Лужкова руководителям регионов, предлагается на площади в 30 га создание историко-этнографического музея под открытым небом с присутствием в нём экспозиций из регионов России и с участием в создании этих экспозиций специалистов из регионов.

В данном вопросе, на наш взгляд, следует первоначально решить задачу — какую цель преследует создание музея и какой тип музея под открытым небом более подходит для осуществления этой цели.

Во многих регионах России в настоящее время на основе детального историко-культурного зонирования идёт формирование архитектурно-этнографических музеев. В районах, не охваченных этим процессом, такая работа всё равно будет проведена в ближайшей перспективе. Основой письма мэра г.Москвы является идея сконцентрировать в одном наиболее посещаемом месте информацию об историко-культурных особенностях регионов России.

Данная задача может быть решена в варианте формирования архитектурно-этнографического музея России на основе укрупненного историко-культурного зонирования всей территории России. Учитывая ограниченную общую площадь, выделенную под экспозицию — 30 га, можно сформировать 4–6 экспозиционных зон и одну туристическо-рекреационную зону (представительства регионов, традиционные пункты питания в стилизованных зданиях, сувенирные и иные лавки и т.п.). Экспозиционная часть музея, естественно, должна создаваться не по принципу музея деревянного зодчества, где доминирующими являются архитектурные памятники, а по принципу архитектурно-этнографического музея, макетирующего с помощью недвижимых и движимых памятников историческую среду обитания человека в определенном хронологическом отрезке. При этом сооружение недвижимых памятников должно предусматриваться с учётом их круглогодичного функционирования. Формирование проекта музея должно вестись единым коллективом, осмысливающим для решения поставленной задачи уже в достаточном объеме накопленный научный материал в регионах и центральных учреждениях России. Экспозиционные зоны, характеризующие историко-культурные области России, должны смоделировать в приближённом состоянии естественную историко-культурную среду прошлого такой области или нескольких областей с отражением доминант и отличительных особенностей их от других областей (ареалов). При этом не ставится задача максимальной полноты показа историко-культурной среды ареала. Это задача архитектурно-этнографических музеев в регионах.

Немаловажное значение имеет формирование экспозиционных зон единым коллективом без отдачи на откуп формирования экспозиционных зон только регионам, что позволит избежать элементов дублирования в различных экспозиционных зонах отдельных моментов показа

(мельниц, церковно-приходских школ, оборонных сооружений и т.д.), что, как показывает опыт, может утомить посетителя дублирующей информацией, а также упустить для показа иную не менее ценную информацию и, таким образом, принизить значимость музея. Формирование музея единым коллективом позволит подойти к данной задаче на основе системного подхода и равномерно осветить историко-культурную среду всех регионов России. Сам творческий коллектив, естественно, должен включать специалистов из регионов.

Идея формирования данного музейного комплекса в г. Москве, пропагандирующего материальную и духовную культуру народов России, обусловливается объективной причиной — концентрацией основного объёма коммуникаций к Москве. Москва, образно выражаясь, является «проходным двором» России, где пересекаются железнодорожные, автомобильные, водные и воздушные пути сообщения. Российскому и зарубежному туристу, интересующемуся историко-культурным наследием России, по многим причинам невозможно объехать все историко-культурные области России, а при посещении такого типа музея турист сможет получить общее представление об историко-культурном наследии России. Попав в такой музей, при его осмотре посетитель может наметить для себя следующий заинтересовавший его регион России для дальнейшего более детального знакомства.

Не будет также открытием утверждение, что народная культура в своём функциональном значении всегда являлась одной из основных составляющих понятий — этническая группа, этнос. Одной из причин этнических проблем в государстве является значительная утрата народами основных элементов своих национальных традиций и на этом фоне гипертрофическое выпячивание целенаправленно формулируемого псевдоисторического культурного наследия. В этом плане сохранение и активная пропаганда истинно народных форм культурного наследия России должна являться не только задачей чисто науки и культуры, но и быть одной из главных составляющих государственной политики.

Данные задачи как никто лучше способен выполнять обсуждаемый вариант архитектурно-этнографического музея в Коломенском.

Складывавшийся многие годы и до сих пор имеющий достаточно прочную базу, менталитет советского периода, определяющий создание и функционирование музеев, в том числе под открытым небом, как хранилище культурных ценностей, предназначенных в первую очередь для науки и культуры, игнорировал всё возрастающее значение музеев в пассивном и активном отдыхе с элементом ненавязчивого процесса познания. Также игнорировалась роль музеев в экономической составляющей туристического бизнеса и, вытекающей из этого, социальной составляющей, — решении социальных проблем путём вовлечения населения в основную и сопутствующий бизнес, обслуживающий данное направление. Последний фактор в политической стабилизации обстановки в государстве также играет немаловажное значение. Научный подход, с учетом современных условий, к проблеме сочетания отдыха и процесса познания должны обеспечить в обсуждаемом варианте грамотное сочетание и переход от экспозиционной

зоны к зоне отдыха. При этом в самих экспозиционных зонах необходимо предусматривать элементы живого музея, но не переходя грань превращения экспозиционных зон в чисто развлекательный центр, который в свою очередь и разворачивается в зоне отдыха. Зона отдыха должна решать проблему разгрузки экспозиционных зон от элементов, не несущих экспозиционной нагрузки.

Москва, являясь столицей России, при знакомстве с ней формирует у иностранца первое и чаще всего наиболее устойчивое представление о всем государстве. На настоящий момент такими яркими образами, олицетворяющими Россию, являются доминанты Москвы — Московский Кремль, Собор Василия Блаженного и другие каменные памятники церковного и светского зодчества. Однако Россия испокон веков была крестьянским государством и жила за счёт нелегкого труда крестьян в российской провинции. Создание в Москве архитектурно-этнографического музея решало бы задачу пропаганды России-труженицы, России провинциальной, России крестьянской. Показ в музее деревянной России явился бы недостающим звеном в этой характеристике нашего Отечества.

Отражение фундаментальности народной культуры через экспозиционную часть музея в общей программе посещения и отдыха в музее, непосредственное и ненавязчивое знакомство с историко-культурной средой обитания предков, овеянное их историческим присутствием, явятся основным смысловым содержанием данного музея, при этом значительно отличая его от зарубежных собратьев, где приоритет отдаётся чисто развлекательной нагрузке на экспозиции, и отличая от отечественных аналогов в прошлом, где приоритет отдавался только научно-познавательному направлению с игнорированием элемента отдыха.

В последнее время сформировалось представление, что турпоток формируют природные условия региона и национальная культура (в первую очередь — народная). Недостачу последней в Москве и, в какой-то мере, в России в определенном плане должно решить создание обоснуемого варианта музея под открытым небом.

Многие государства для обеспечения турпотока копируют в том или ином варианте Диснейленд, строят музей архитектуры мира и т.д. Россия, в рассматриваемом варианте музея под открытым небом в Коломенском, может пойти путём пораздельного сочетания и плавного перехода экспозиционной и развлекательных частей, решая при этом проблему сохранения и популяризации традиционной народной культуры. Поэтому вариант Диснейленда или что-то подобное под Москвой, возможность которого нельзя исключить в будущем, не будет конкурентом коломенского музея по причине, коренящейся в фундаментальности музея.

В отношении возможного возражения оппонентов относительно исполнения в новоделе музея следует отметить, что данный тип музея будет формироваться не с целью сохранения уникальных памятников истории и архитектуры, а с целью воссоздания и музеефикации для будущих поколений реальной исторической среды в определённых хронологических рамках. Музей строится в расчёте не столько на нынеш-

нее поколение, сколько на будущие поколения, которые будут жить через 50-100 и более лет. Данный тип музея — это смоделированный и оставленный для потомков в неискаженном виде элемент историко-культурной среды прошлого России. Немаловажен следующий факт. Дерево — материал недолговечный и имеет свой срок жизни. По прошествии определенного времени материал-оригинал все равно уступит место новоделу. Поэтому наравне с памятниками-оригиналами новодельные копии, выполненные по традиционной технологии, в наше время будут нести будущим поколениям неискаженное историко-культурное наследие России.

Рассматривая вопрос переноса в предполагаемую экспозиционную зону памятников-оригиналов деревянного зодчества, уже собранных на территории музея «Коломенское», следует заметить, что каждый их переезд путём разборки и сборки равносильен пожару. При любой переборке идёт значительная утрата материала-оригинала. Поэтому к данному решению следует подходить осторожно и, чтобы не травмировать памятники, необходимо рассмотреть вариант — оставить их на прежнем месте до того момента, когда их переборка станет обязательной.

Вариант воссоздания деревни «Коломенское» с П-образной конфигурацией и с большим количеством усадеб, отличительные признаки которых различимы и интересны лишь для узкого круга специалистов, с приспособлением этих усадеб для представительств, не будет иметь перспективу при привлечении и загрузке турпотока. Опыт музея «Тальцы» показал, что, пока в музее функционировали однотипные для основной массы посетителей три усадьбы деревни «Малодворки», экскурсоводам с трудом удавалось удерживать группы в процессе экскурсии. И только ввод в экскурсионный процесс разноплановых экспозиций (мельниц, острога, церковно-приходской школы и т.д.) позволили сохранить постоянный интерес группы во время всей экскурсии и увеличить в музей турпоток.

Для преемственности и историчности места формирования будущего музея, при создании экспозиционной зоны возможно целесообразно воссоздать фрагмент деревни Коломенское, предусмотреть разнообразие построек, с включением в фрагмент деревни интересных построек деревень, окружавших в своё время Коломенское.

В заключение следует отметить, что идея формирования в пределах Москвы архитектурно-этнографического музея, характеризующего историко-культурные зоны России, — это решение как проблемы активной пропаганды народной культуры России, так и проблемы туризма, экономики и социальной сферы. Если проблема формирования общенационального музея на базе музея-заповедника Коломенское не получит дальнейшего развития, она будет всё равно поднята в ближайшем будущем. А вариантом её размещения будут пригороды Москвы.

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

П Р И К А З

25.08.98

№ 442

Москва

О Федеральном научно-методическом совете по сохранению культурного наследия (недвижимые памятники истории и культуры) Министерства культуры Российской Федерации

1. Утвердить Положение о Федеральном научно-методическом совете по сохранению культурного наследия (недвижимые памятники истории и культуры) Министерства культуры Российской Федерации согласно приложению N 1.

2. Назначить первым заместителем председателя Федерального научно-методического совета по сохранению культурного наследия: (недвижимые памятники истории и культуры) Минкультуры России КОМЕЧА Алексея Ильича — директора Российского научно-исследовательского института искусствознания, доктора искусствоведения, заместителем председателя — ВЕДЕНИНА Юрия Александровича — директора Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия, доктора географических наук.

3. Назначить руководителями секций Совета:

Исторические населенные места и заповедные территории — Веденина Ю. А., директора РНИИ культурного и природного наследия, доктора, географических наук

Памятники архитектуры — Подъяпольского С. С., профессора МАРХИ, кандидата архитектуры

Монументальное и декоративно-прикладное искусство — Лившица Л. И., кандидата искусствоведения

Государственный учет памятников и экономико-правовое обеспечение сохранения культурного наследия — Потапову Н. А. — зам.начальника УГКОИП г. Москвы, генерального директора Научно-исследовательского методического центра

4. Заместителям председателя ФНМС (Комечу А. И., Веденину Ю.А.) руководителям секций (Подъяпольскому С. С., Веденину Ю. А., Лившицу Л. И., Потаповой Н. А.) совместно с Управлением по охране недвижимых памятников истории и культуры (Маркиной И. А.) до 1 октября 1998 г. представить на утверждение предложения по кандидатурам руководителей подсекций и персональному составу Совета.

5. Контроль за исполнением приказа возложить на заместителя Министра культуры Брагина В. И.

Первый заместитель Министра

В.С. Евстигнеев

ПОЛОЖЕНИЕ

о Федеральном научно-методическом совете по сохранению культурного наследия (недвижимые памятники истории и культуры) Министерства культуры Российской Федерации

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1.1. Федеральный научно-методический совет по сохранению культурного наследия (недвижимые памятники истории и культуры) Министерства культуры Российской Федерации (далее ФНМС) образован в соответствии с Положением о Министерстве культуры Российской Федерации и является коллегиальным общественным органом, объединяющим ведущих ученых и специалистов различных дисциплин, чья профессиональная деятельность связана с сохранением культурного наследия.

1.2. ФНМС возглавляет Министр культуры Российской Федерации.

1.3. ФНМС дает заключения и рекомендации, относящиеся к вопросам сохранения культурного наследия, в соответствии с законодательством, подзаконными нормативными правовыми актами и компетенцией, определенной настоящим Положением, а также принимает решения, регулирующие и совершенствующие его деятельность согласно настоящего Положения.

1.4. ФНМС осуществляет свою деятельность во взаимодействии со специализированными организациями Российской Федерации и субъектов Федерации, участвующими в сохранении культурного наследия, и опирается при этом на отечественный и международный опыт, поддерживает связи с организациями ЮНЕСКО, зарубежными реставрационными центрами, зарубежными государственными и негосударственными учреждениями, осуществляющими сохранение культурного наследия.

1.5. Заключения и рекомендации ФНМС обязательны для рассмотрения всеми структурными подразделениями центрального аппарата Министерства культуры Российской Федерации, государственными службами, учреждениями и организациями системы Минкультуры России, государственными органами культуры и специально уполномоченными государственными органами охраны и использования памятников истории и культуры субъектов Российской Федерации.

1.6. Основными задачами ФНМС являются:

— выполнение поручений Министерства культуры Российской Федерации в пределах компетенции, определенной настоящим Положением,

— содействие в определении и формировании основных направлений государственной политики по сохранению культурного наследия, а также законодательному, нормативно-правовому, экономическому, научно-методическому и научно-техническому обеспечению преемственности культурно-исторического процесса в современных условиях,

— определение общих принципов, разработка заключений и рекомендаций для научно-методического и научно-технического контроля и руководства по сохранению культурного наследия, экспертиза и консультации в области охраны культурного наследия,

— участие в межведомственной координации и международном сотрудничестве по проблемам сохранения культурного наследия,

— оказание консультативной помощи Министерству культуры, иным государственным и негосударственным учреждениям и организациям в сохранении культурного наследия.

2. ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ФНМС

2.1. ФНМС для выполнения возложенных на него задач имеет право:

— рассматривать вопросы, связанные с выявлением, учетом, инвентаризацией, изучением, сохранением (охрана, использование, производственно-реставрационные работы, проекты зон охраны, положения об историко-культурных заповедниках, заповедных местах и т.д.) объектов культурного наследия, независимо от их значения, местонахождения, формы собственности и ведомственной принадлежности,

— запрашивать и получать с помощью Министерства культуры Российской Федерации, государственных органов культуры, специально уполномоченных государственных органов охраны и использования памятников истории и культуры субъектов Федерации юридические (законодательные и нормативно-правовые), — научно-исследовательские, научно-методические, научно-технические, проектно-изыскательские и иные материалы, затрагивающие интересы культуры, искусства и науки в сохранении культурного наследия и подлежащие согласованию или утверждению Министерством культуры Российской Федерации, а также информацию и документацию, необходимые для выполнения поручений Минкультуры,

— проводить экспертизу разрабатываемых программ сохранения культурного наследия, законодательных, нормативно-правовых (в том числе положений об историко-культурных заповедниках, заповедных местах), научно-методических и научно-технических материалов, проектов планировки застройки, реконструкции городов и иных населенных мест, имеющих памятники истории и культуры, зон охраны, подлежащих согласованию или утверждению Министерством культуры Российской Федерации,

— вносить предложения, инициативные программы и проекты для развития и совершенствования научно-методической, законодательной, нормативно-правовой, информационной базы, обеспечивающей сохранение культурного наследия,

— привлекать для выполнения возложенных на него задач специалистов, не являющихся членами ФНМС, из ведущих отраслевых научно-исследовательских и проектно-изыскательских институтов и организаций, из институтов РАН, давать рекомендации Минкультуры по привлечению специализированных организаций для решения общих проблем сохранения культурного и природного наследия, разработки проектов (в том числе проектов зон охраны) и осуществления производственно-реставрационных работ на недвижимых памятниках истории и культуры,

— входить с инициативой созыва общероссийских совещаний, конференций, семинаров по наиболее принципиальным и сложным научно-техническим проблемам в области сохранения культурного наследия,

— распространять и публиковать в издаваемых им сборниках и бюллетенях обзоры, методические, инструктивные и иные материалы, необходимые для совершенствования научно-методического руководства сохранением культурного наследия.

2.2. ФНМС и его члены обязаны:

при выработке рекомендаций и принятии решений руководствоваться Конституцией Российской Федерации, нормативными правовыми актами Российской Федерации, следовать рекомендациям и конвенциям международных орга-

низаций, к которым присоединилась Российская Федерация, оперативно информировать госорганы о фактах нарушения законодательства об охране памятников истории и культуры и возникновении угрозы объектам культурного наследия.

3. СОСТАВ И СТРУКТУРА ФНМС

3.1. ФНМС состоит из сорока членов, пользующихся равными правами при подготовке и принятии решений.

3.2. ФНМС возглавляют председатель, первый заместитель председателя и заместитель председателя Совета.

3.3. Деятельность ФНМС обеспечивают Министерство культуры Российской Федерации и Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия.

3.4. Для проведения работы по различным направлениям охраны культурного наследия при Совете образуются четыре секции и десять подсекций;

Секция 1. Исторические населенные места и заповедные территории

Подсекции: Исторические города

Историко-культурные, заповедные территории

Археология

Этнология (народная архитектура, этнография)

Секция 2. Памятники архитектуры

Подсекции: Памятники архитектуры

Инженерно-технологические проблемы

Секция 3. Монументальное и декоративно-прикладное искусство

Подсекции: Живопись

Скульптура и декоративно-прикладное искусство

Секция 4. Государственный учет памятников и экономико-правовое обеспечение сохранения культурного наследия.

Подсекции: Государственный учет памятников

Экономико-правовое обеспечение сохранения культурного наследия.

3.5. Для организации оперативной деятельности ФНМС имеет штатный аппарат, состоящий из ученого секретаря и ученых секретарей секций, которые являются научными сотрудниками РНИИ культурного и природного наследия.

4. ПОРЯДОК ФОРМИРОВАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФНМС

4.1. Первоначальный состав ФНМС определяется приказом Министерства культуры Российской Федерации по предложениям Председателя ФНМС, его заместителей и руководителей секций. В дальнейшем предложения по изменению состава ФНМС принимаются на его заседаниях членами ФНМС и утверждаются Министерством.

4.2. На начальной стадии работы первый заместитель председателя, заместитель председателя и руководители секций ФНМС назначаются приказом Министерства культуры Российской Федерации, в дальнейшем — по рекомендации ФНМС или согласованию с ним из числа его членов и утверждаются приказом Минкультуры России.

4.3. ФНМС заседает не реже четырех раз в год. Заключение, рекомендации и решения принимаются открытым голосованием простым большинством при участии в заседании не менее 2/3 членов ФНМС.

4.4. В состав каждой секции должны входить не менее трех членов ФНМС. Новые члены кооптируются в секции решением входящих в них членов ФНМС и утверждаются председателем ФНМС или его заместителями.

4.5. Заседания секций и подсекций проводятся по необходимости.

4.6. Первый заместитель председателя, заместитель председателя, руководители секций и подсекций подлежат переизбранию каждые 3 года.

4.7. Для выполнения конкретных задач и поручений секции образуют рабочие группы экспертов как из числа членов ФНМС, так и из числа привлеченных специалистов, не входящих в состав ФНМС. Состав рабочих групп экспертов утверждается решением соответствующих секций.

4.8. Все заседания ФНМС, секций, подсекций и рабочих групп экспертов являются открытыми. Они могут быть объявлены закрытыми решением большинства присутствующих на заседании членов ФНМС.

4.9. Члены ФНМС имеют право участвовать в заседаниях любых секций и подсекций (рабочих групп экспертов), членами которых они не состоят, с правом совещательного голоса.

4.10. Заключение и рекомендации подсекции (рабочей группы экспертов) утверждаются руководителем секции, а при необходимости выносятся на заседание секции.

4.11. Заключение и рекомендации секций утверждаются председателем ФНМС или его заместителями. При необходимости они могут выноситься на заседание ФНМС, который может пересмотреть или отменить принятое решение или заключение.

4.12. Между заседаниями работой ФНМС руководит Бюро, состоящее из председателя ФНМС, его заместителей, ответственного секретаря, руководителей секций и подсекций.

4.13. Члены ФНМС на каждом заседании информируются о деятельности Бюро, секций и подсекций (рабочих групп экспертов), их решениях, заключениях и рекомендациях. Решения Бюро утверждаются на заседаниях ФНМС, который может пересмотреть или отменить решение Бюро, председателя, или его заместителей.

4.14. Заключение и рекомендации секций, подсекций и рабочих групп экспертов, утвержденные в установленном порядке, передаются в Бюро.

4.15. Деятельность ФНМС и его секций осуществляется на основе годовых планов, которые утверждаются председателем ФНМС или одним из его заместителей.

4.16. Повестки заседаний ФНМС и секций готовятся заместителями председателя ФНМС и ответственным секретарем ФНМС, руководителями и учеными секретарями секций. По инициативе одного из членов ФНМС на рассмотрение ФНМС может быть поставлен любой соответствующий компетенции ФНМС вопрос, а по инициативе 3 членов ФНМС такой вопрос должен быть рассмотрен в обязательном порядке.

4.17. ФНМС имеет свой бланк. Право подписи на бланке имеют председатель и его заместители.

5. ПОРЯДОК ИЗМЕНЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЯ О ФНМС И ЕГО ЛИКВИДАЦИИ

5.1. Изменения в Положение о ФНМС вносятся по решению ФНМС, согласованного с Министерством культуры Российской Федерации.

5.2. Решение о ликвидации ФНМС принимает Министр культуры РФ, если за это высказается большинство членов каждой секции ФНМС.

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

ИРКУТСКАЯ ОБЛАСТЬ Губернатор

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от 25.08.99 № 471-п

г. Иркутск

О реорганизации государственного учреждения культуры «Иркутский областной краеведческий музей»

В соответствии со статьями 57, 58, 125 Гражданского кодекса Российской Федерации, статьей 16 Федерального закона «О некоммерческих организациях», статьей 31 Федерального закона «О музейном фонде в Российской Федерации и музеях в Российской Федерации», статьей 39 Основ законодательства о культуре, статьей 10 Закона области «Об управлении государственными унитарными предприятиями, государственными пакетами акций (паями, долями), иным имуществом, составляющим областную государственную казну», принимая во внимание решение Ученого Совета Иркутского областного краеведческого музея от 13.05.99 г., в целях развития научно-исследовательской, экспозиционно-выставочной и собирательской деятельности по декабристской проблематике

ПОСТАНОВЛЯЮ:

1. Реорганизовать областное государственное учреждение культуры «Иркутский областной краеведческий музей» путем выделения из его состава отдела декабристов и создания на его основе областного государственного учреждения культуры «Иркутский областной историко-мемориальный музей декабристов».

2. Установить, что областное государственное учреждение культуры «Иркутский областной историко-мемориальный музей декабристов» является правопреемником по правам и обязанностям областного государственного учреждения культуры «Иркутский областной краеведческий музей» в соответствии с разделительным балансом.

Говорин

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЙ

«14» мая 1999г.

119034 Москва, Чистый пер. 5

№ 2567

ДИРЕКТОРУ АЭМ «ТАЛЫЦЫ»
В.В. ТИХОНОВУ,
ЗАМЕСТИТЕЛЮ ДИРЕКТОРА
А.К. НЕФЕДЬЕВОЙ

Благодарю вас за переданный журнал Иркутского архитектурно-этнографического музея «Тальцы». Отраднo, что он полностью посвящен светлой памяти Святителя Иннокентия, Апостола Сибири и Америки. Его великие заслуги в области духовного просвещения народов, в землях которых он проповедовал, неоспоримы.

Надеюсь, что ваш журнал и впредь будет уделять внимание насущной теме возрождения традиций православной духовности в России.

С уважением,

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

3 июня 1999 г.
Лондон, Великобритания

Сердечно благодарю Вас за пасхальное приветствие и журнал «Тальцы», посвященный свт. Иннокентию, Митрополиту Московскому. Прочитал его с большим интересом. Фотографии дома Святителя в с. Анга воскресили в моей памяти личные воспоминания прошлого.

Более 50-ти лет назад, в юбилейный год 150-летия со дня рождения свт. Иннокентия, мне, тогда еще очень молодому, представилась возможность побывать, вместе со священником из Верхоленска, в селе Анга и посмотреть на родительский дом Святителя. Это было в августе 1947 года. Местные крестьяне показали нам этот дом. Ни о каком юбилейном воспоминании тогда и разговора не было. Об этом боялись говорить. Посмотрев на старенький домик, мы постарались, не задерживаясь, уйти из села, чтобы не оказаться на вынужденном «собеседовании» в местном сельсовете.

С благодарностью и уважением,

+ Архиепископ Анатолий

АНАТОЛИЙ, архиепископ Керченский,
викарий Сурожской епархии

20 июня 1999 г. Якутск

Получил посланный Вами журнал «Тальцы» и с удовольствием прочитал его. Я благоговею перед памятью великого просветителя Сибири и Америки, основателя нашей Якутской епархии Святителя Иннокентия и поэтому мне дорого и приятно всё, что связано с именем этого великого гражданина России и святого. Рад, что и на его родине, в Иркутской области, помнят Святителя и делают все для увековечивания его памяти, свидетельством чего является Ваш труд. Буду признателен Вам, если и в дальнейшем будете посылать нам новые материалы о его жизни.

У нас в Якутске один из алтарей собора освящен в его честь, построена и освящена часовня к 200-летию; в храме, в небольшом ковчеге, имеется частица его св. мощей; в г. Ленске, на берегу великой одноименной реки, по которой неоднократно проезжал и проплывал Святитель, строится храм в его честь. Посылаю Вам книгу, изданную в 1997 году к юбилею равноапостольного митрополита Иннокентия,

Спаси Вас Господи, Божие благословение и молитвы Свт. Иннокентия да пребудут с Вами,

ГЕРМАН, епископ Якутский и Ленский

8–9 января. Иркутск, Россия. Научно-практическая конференция «Традиционная народная культура и современность». Виноградовские чтения, посвящённые памяти сибирского фольклориста и этнографа Георгия Семёновича Виноградова.

25–26 марта. Иркутск, Россия. Историко-экономическая научная конференция, посвящённая памяти профессора Вадима Николаевича Шерстобоева (1900–1963) и 50-летию выхода в свет его научного труда «Илимская пашня» (в 2-х томах). Проводилась Иркутской государственной экономической академией (ИГЭА).

1–3 июля. Улан-Удэ, Бурятия, Россия. Региональная научно-практическая конференция, посвящённая 25-летию этнографического музея народов Забайкалья. На конференции рассмотрены следующие проблемы: 1. Изучение, сохранение и развитие традиционной культуры; 2. Концептуальные основы формирования различных типов музеев под открытым небом. Традиции, инновации; 3. Деятельность музеев под открытым небом в новых экономических условиях. Маркетинг, менеджмент; 4. Основные сферы музейной деятельности: комплектование и изучение фондов, научно-просветительная и экспозиционная работа; 5. Этноэкологические аспекты деятельности музеев под открытым небом; 6. Роль музеев в системе образования; 7. Ряд других проблем, отражающих общественно-культурную и профессиональную деятельность музеев под открытым небом. На конференции проведены: традиционный обряд бурят-шаманистов «Тайлаган» с участием ведущих шаманов Бурятии, экскурсии по музеям, встречи с фольклорными коллективами, национальный праздник «Сурхарбан», выставки-продажи изделий народных умельцев, экскурсия в Центр буддийской сангхи Российской Федерации — Иволгинский дацан, экскурсия в Центр тибетской медицины, экскурсия на оз. Байкал.

13–16 сентября. Иркутск, Россия. Третья международная научно-практическая конференция «Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность». На конференции, кроме пленарных, проведены заседания в трёх секциях: «Россия между Западом и Востоком: проблемы колониализма», «Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе», «Народы России, Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока: проблемы взаимоотношений». На конференции состоялась встреча с главными редакторами журналов «Восток», «Проблемы Дальнего Востока», «Вестник Евразии», а также экскурсия на оз. Байкал.

Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. № 1, 1998.

Институт наследия Бронислава Пилсудского, созданный в 1997 году при Сахалинском областном краеведческом музее, начинает издавать свой печатный орган — «Известия Института наследия Бронислава Пилсудского». Новое издание призвано отражать на своих страницах все направления научной деятельности института и концентрировать всю имеющуюся в мире информацию о жизни, деятельности и научном наследии Б.О.Пилсудского, а также материалы по истории, этнографии и фольклору коренных народов Сахалина.

Задача издания — публикация новых, не известных ранее материалов из эпистолярного, биографического, научного рукописного наследия одного из видных исследователей коренных народов Сахалина конца XIX — начала XX веков Б.О.Пилсудского. Известно, что архивы многих стран мира хранят редкие неопубликованные рукописи учёного, фотографии по истории, традиционной этнографии, фольклорные тексты народов Нижнего Амура и Сахалина: нивхов, ульчей, нанайцев, уйльта и айнов.

Хагдаев В.В. Шаманизм и мировые религии. — Иркутск: ГП «Иркутская областная типография № 1», 1998.

Данная монография содержит краткий историко-филологический обзор шаманизма, буддизма и христианства.

В ней рассмотрены взаимоотношения в прошлом, XVIII–XIX веках, последователей мировых религий с бурятским шаманизмом в Байкальском регионе.

В работе выделены нравственные позиции этих трех религиозных конфессий и сделана попытка выявить их общие и отличительные особенности. Автором внесены предложения по мирному сосуществованию в дальнейшем представителей шаманизма, буддизма и христианства в Байкальском регионе.

Публикуемая работа представляет интерес для краеведов, преподавателей-религиоведов, студентов, аспирантов, а также для всех тех, кого интересуют эти проблемы.

Тихонов В.В. Опыт работы Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» (1966–1998 гг.). — Иркутск: АЭМ «Тальцы», 1999.

Обобщен опыт создания и формирования музея «Тальцы» как музея деревянного зодчества с последующим переходом в музей ар-

хитектурно-этнографического направления. Анализируется эффективность работы музея сначала в качестве филиала Областного краеведческого музея, а затем в качестве самостоятельного музея областного подчинения. Дается информация по экспозиционной, научно-исследовательской, издательской, хозяйственной, финансовой, реставрационной деятельности музея. Обсуждаются проблемные вопросы формирования музея.

Основные концептуальные направления формирования архитектурно-этнографического музея «Тальцы» (методические рекомендации). Авторы: **О.В. Бычков, А.К. Нефедьева, В.В. Тихонов.** — Иркутск: АЭМ «Тальцы», 1999.

Предлагаемые рекомендации составлены на основании анализа опыта, накопленного в процессе формирования архитектурно-этнографического музея «Тальцы», архитектурно-этнографических музеев России и Европы.

Кроме практической направленности, связанной с формированием генерального плана АЭМ «Тальцы», настоящее издание может быть полезно кругу специалистов, участвующих в создании отечественных музеев под открытым небом.

Традиционная народная культура и современность (материалы, тезисы сообщений областной научной конференции «Виноградовские чтения»). — Иркутск, 1999.

В сборнике опубликованы тезисы докладов, сообщений, представленных на научно-практическую конференцию «Традиционная культура и современность», которая состоялась в Иркутске в январе 1999 г. В большинстве статей на широком и разнообразном материале рассматриваются актуальные вопросы фольклора разных народов Сибири, в том числе русских, бурят, эвенков и др.

Сборник может заинтересовать широкий круг специалистов в области культуры, образования, фольклористики, этнографии и т.д.

Иркутский историко-экономический ежегодник. Материалы чтений, посвящённых памяти В.Н. Шерстобоева. — Иркутск: изд-во ИГЭА, 1999.

Сборник включает материалы докладов и сообщений конференции, посвящённой памяти первого доктора экономических наук, профессора ИГЭА Вадима Николаевича Шерстобоева, 50-летию выхода в свет первого тома его историко-экономического исследования «Илимская пашня».

Краеведческие записки. Выпуск шестой. — Иркутск: Издание ГП «Иркутская областная типография № 1», 1999. — 120 с.

НЕРЧИНСКИЙ ДОГОВОР* 28 АВГУСТА 1689 ГОДА**

ПЕРЕВОД С ЛАТИНСКОГО

Высланные указом святого китайского императора для определения границ сановники — Сомготу, начальник войск императорского дворца, советник империи и проч.; Тумкекам, вельможа внутреннего дворца, военачальник первого разряда, господин императорского знамени, дядя императора и проч.; Ламтан, одного знамени господин; Памтарха, также одного знамени господин; Сапсо, генеральный начальник земель вокруг Сагалиен-ула и других земель; Мала, начальник одного знамени; Вента, второй начальник Внешнего суда, и прочие вместе с послами божею милостью великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всяя Великия, Малыя и Белья России монархов и многих государств и земель Восточных, Западных и Северных отчий и дедичей, наследников и обладателей, их царского величества, с великими и полномочными послами, ближним окольным и наместником брянским Фёдором Алексеевичем Головиным, стольником и наместником елатомским Иоанном Евстафьевичем Власовым и дьяком Семионом Корницким в год Камхи 28-й, названный годом Золотистого змея, 7 луны 24 дня*** собрались близ города Нерчинска**** для обуздания и подавления дерзости охотничьих людей низкого положения, которые, переходя границы, или убивают друг друга, или грабят, или совершают всякие беспорядки и возмущения, также и для ясного и точного определения и установления границ между Китайской и Российской империями, а также, наконец, для установления постоянного мира и заключения вечного союза, с обоюдного соглашения постановляем и определяем следующие статьи:

* Печатается по кн.: Русско-китайские отношения в XVII веке. Т. II. 1686-1691. — М.: Наука, 1972.

** Дата подписания договора, стоящая в латинском и маньчжурском текстах Нерчинского договора, расходится с датировкой русского текста (27 августа). Разнобой в датировке связан, по-видимому, с самой процедурой изготовления и подписания текстов: 27 августа был написан русский текст, 28 августа — два экземпляра договора на латинском и один на маньчжурском языках, 29 латинские экземпляры были подписаны обеими сторонами.

*** 28 августа 1689 г.

**** Здесь и далее в договоре: Нипчоу (Nipchou).

ПЕРВАЯ

Река, называемая Горбица*, которая расположена близ реки Чёрной, по-татарски называемой Урум, и впадает в реку Сагалиен-ула, составляет рубеж между обеими империями. Также от вершины скалы или каменной горы, на которой находится исток и начало выше-названной реки Горбицы и через вершины той горы до моря, владение империй так разделить, чтобы все земли и реки, малые или большие, которые от южной части той горы впадают в реку Сагалиен-ула, были бы под властью Китайской империи, все же земли и все реки, которые с другой стороны горы простираются к северной стороне, остаются под властью Российской империи, таким образом, чтобы реки, впадающие в

Ф.А. Головин

море, и земли, находящиеся в промежутке между рекой Удью и вершиной горы, указанной в качестве рубежа, оставались бы до времени не определёнными. Вопрос о них после возвращения к себе послов обеих империй тщательно рассмотреть и точно исследовать и через послов или грамоты после определить.

Также река, называемая Аргунь**, которая впадает в выше-названную реку Сагалиен-ула, определяет границы так, что все земли, которые с южной стороны, принадлежат Китайской, а те, которые с северной стороны, — Российской империи. И все строения, которые находятся с южной стороны указанной реки до устья реки, называемой Мейрелке, должны быть перенесены на северный берег.

ВТОРАЯ

Крепость Албазин*** или твердыня в месте, называемом Ягса, выстроенная русскими, должна быть до основания скрыта и разрушена. И все её жители, подданные Российской империи, со всеи какою бы то ни было рода имуществом, должны быть выведены в земли Российской империи.

И определённые эти рубежи охотники обеих империй никоим образом да не переходят. Если же один или двое людей низкого положения или перебежчики или воры перейдут эти установленные границы, немедленно, заключив в оковы, препроводить их к начальникам обеих империй, которые, рассмотрев их вину, наложат должное наказание. Если же соберутся 10 или 15 вооружённых [людей] и перейдут [границу], или убьют человека другой империи, или ограбят, о

*Здесь и далее в договоре: Кербичи (Kerbichi).

**Здесь в договоре: Ергон (Ergon).

***Здесь в договоре: Ягса (Jagsa).

И. Е. Власов

том доносить императорам каждой империи, чтобы наложено было наказание за все эти преступления, как за уголовное преступление, дабы не возникла война из-за бесчинства отдельных частных людей и было бы предотвращено кровопролитие.

ТРЕТЬЯ

И всё, что прежде было содеяно, какого бы рода ни было, предаётся вечному забвению.

С того же дня, в какой между обеими империями этот вечный мир был заключён, никому не дозволяется принимать перебежчиков из одной империи в другую, но закованных в кандалы немедленно возвращать.

ЧЕТВЕРТАЯ

Те же подданные Русской империи, которые находятся в Китае и Китайской империи — в России, пусть останутся в том же состоянии.

ПЯТАЯ

Вследствие ныне заключённой дружбы и установленного вечного союза люди какого бы то ни было положения, имеющие охранные грамоты для проезда, могут свободно следовать в земли обеих держав и повсюду продавать и покупать, как им будет необходимо для обоюдной торговли.

ШЕСТАЯ

[В результате] торжественного совета послов обеих империй, прекратившего спор о границах обоих государств и заключившего мир и клятвенно установившего вечную дружбу, не остаётся места для беспорядков, если только эти определённые условия надлежащим образом будут соблюдаться.

Условия этого союза письменно утверждаются обеими сторонами, и вторые экземпляры, скреплённые установленными печатями, великие послы обеих империй передают друг другу.

Именно и только в соответствии с этим экземпляром эти условия на китайском, русском и латинском языках следует вырезать на камнях, каковые камни воздвигнуть на рубежах обеих империй как постоянный и вечный знак памяти.

Дано при Нерчинске в год Камхи 28-й 7 луны день 24*.

* 28 августа 1689 г.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ГОЛОВОЛОМКИ

Тарелки

Тарелки в русском быту до конца XVII века имели лишь декоративное значение; вместо них употреблялись, положенные перед сидящими за столом. Скажите: что за предмет использовали русские за столом вместо тарелок?

Блюдо

Какое блюдо из сметаны и муки готовят и в бурятской юрте, и в русской сибирской избе?

Сооружение

Ответьте: что у русского в избе, а у бурята — во дворе?

Ответы на этнографические головоломки из № 2(4), 1998:

Ель и лыжи:

Древесина (ель), идущая на изготовление лыж, особенно покрытых камусом — шкурой с ног оленя или лося, должна быть прямослойной и с небольшим количеством сучков. Для этого выбирается дерево, растущее на горе(хребте) и с небольшим наклоном, что придаёт древесине прочность и смолистость. При этом берётся та половина ствола, в сторону которой было наклонено дерево.

Щенок:

О выносливости будущей собаки эвенки судят по удлинённому телу щенка. Таких щенков они называют «тыгытнэ» — собака.

Соболь и еловый сучок:

Эвенки знают, что соболь повышает свою активность перед снегопадом. На приближение снегопада реагирует древесина деревьев. Например, еловый сучок в это время щёлкает очень глухо, поскольку он теряет прежнюю хрупкость. Так, по глухому щелчку елового сучка охотник судит о приближающемся снегопаде и, следовательно, об активности зверя.

